

И.С. Пальмов

К вопросу о сношении чехов-гуситов
с Восточной Церковью в половине
XV века

Опубликовано:
Христианское чтение. 1888. № 1-2. С. 70-109.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Къ вопросу о сношеніяхъ чеховъ-гуситовъ съ восточною церковію въ половинѣ XV в.

Изученію чешскаго реформаціоннаго движенія XV в., иначе называемаго гуситскимъ, посвящено уже весьма значительное количество ученыхъ трудовъ какъ вообще на западѣ Европы, такъ въ частности у самихъ чеховъ, равно и въ нашей русской литературѣ. При всемъ однако обилии ученыхъ работъ вопросъ о причинахъ и характерѣ гуситскаго движенія не можетъ считаться вполне выясненнымъ; не болѣе, конечно, разъяснены отдѣльные эпизоды и многія подробности сложной исторической обстановки этого движенія. По крайней мѣрѣ въ существующей исторической литературѣ по этому вопросу высказывались разные взгляды; на одной и той же фактической основѣ строились разные, иногда совершенно противорѣчивые выводы, а въ результатъ всего этого являлась все-таки новая необходимость пересмотра и повѣрки хотя бы уже обследованныхъ историческихъ данныхъ, научное стремленіе уяснить этотъ важнѣйшій вопросъ цѣлой средневѣковой Европы переходнаго періода другими новыми данными или, по крайней мѣрѣ, новыми соображеніями. Вслѣдствіе этого литература по данному вопросу размножилась; интересъ къ нему росъ и не можетъ или не долженъ бы ослабѣвать.

Разнообразіе, а иногда и противорѣчія существующихъ въ литературѣ по данному вопросу взглядовъ зависѣло и зависятъ отъ разныхъ причинъ. Прежде всего, вѣроисповѣдныя разности и симпатіи изслѣдователей наложили особую печать и на ихъ ученые изысканія. Отсюда: католическіе ученые, протестантскіе и православные отстаиваютъ каждый свою точку зрѣнія, не сознавая

иногда своих увлечений. Впрочем, относительно православных исследователей нужно замѣтить, что направленіе ихъ трудовъ обуславливалось главнымъ образомъ неправдами западно-европейскихъ исследований, желаніемъ только выдвинуть новыя стороны гуситскаго вопроса, показать и обосновать новую болѣе правильную точку зрѣнія, которую западные ученые игнорируютъ или бездоказательно опровергаютъ. Поэтому то, что у нѣкоторыхъ православныхъ исследователей считаютъ предвзятою мыслию, увлеченіемъ, въ дѣйствительности основывается на фактахъ, которые игнорируютъ или голословно перетолковываютъ западно-европейскіе ученые, но съ которыми однако нужно считаться какъ съ фактами, имѣющими то или другое историческое значеніе, ту или другую историческую значимость въ ряду многихъ другихъ историческихъ фактовъ гуситскаго движенія. Такимъ образомъ, такъ называемыя увлеченія православныхъ исследователей гуситскаго вопроса не имѣютъ такого характера, какой носятъ исследования весьма многихъ западно-европейскихъ ученыхъ ¹⁾). Латинскіе напр. ученые, смягчая злоупотребленія ередневѣковой латинской церкви, какъ важнѣйшаго фактора, вызвавшего гуситское движеніе и опредѣлявшаго его ходъ и направленіе, стараются объяснить рѣзкіе протесты чешскихъ реформаторовъ и народа больше національною враждою чеховъ къ нѣмцамъ, фанатизмомъ первыхъ, раздраженіемъ „обезумѣвшихъ еретиковъ“. Протестантскіе же ученые, заключая по аналогіи съ начальною причиною реформы Лютера и подбѣгая одни и тѣ же историческія причины протестовъ противъ Рима какъ со стороны чеховъ, такъ и всей вообще протестантской Европы, стараются представить гуситское движеніе какъ въ своемъ началѣ, такъ и въ развитіи неразвившейся лишь позднѣйшей реформой Лютера и друг. западныхъ реформаторовъ, хотя нѣкоторые даже изъ новѣйшихъ протестантскихъ ученыхъ ²⁾ признаютъ въ гуситскомъ

¹⁾ Указаніе и оцѣнка существующихъ въ литературѣ взглядовъ на гуситское движеніе представлены нами въ соч. «Вопросъ о члствѣ въ гуситскомъ движеніи», Спб. 1881 (ср. Введеніе).

²⁾ Таковы напр.: Круммель (*Krummel*, Geschichte d. böhmischen Reformation im XV Jahrhundert. Gotha, 1866), Червенка (*Červenka*, Geschichte d.

движеніи и дѣйствіе кирилло-меодіевскаго фактора—какъ отдаленной и въ существѣ дѣла у нихъ бездѣйственной причины, ничего не опредѣляющей въ развитіи и направленіи гуситской реформы. Знаменательно по крайней мѣрѣ то, что нѣкоторыми протестантскими учеными эта причина не скрыта и выставлена, повидимому, какъ уступка фактической аргументаціи православныхъ ученыхъ, которые разъясняли ее можетъ быть не съ меньшими шансами на успѣхъ, чѣмъ съ своей точки зрѣнія ученые католическіе и протестантскіе. Однимъ словомъ, православные изслѣдователи гуситскаго вопроса фактическою стороною своихъ изслѣдованій и анализомъ подробностей ученія и практической дѣятельности чешскихъ реформаторовъ ослабили силу и значеніе какъ самой аргументаціи латинскихъ и протестантскихъ ученыхъ, такъ равно и выводовъ относительно начала и характера развитія гуситскаго движенія; они выдвинули новую точку зрѣнія на неуясненное еще событіе и представили новые факты и свои новыя соображенія, которыя если и могутъ быть иногда объяснены въ иномъ смыслѣ (чѣмъ въ какомъ налагаются самими авторами), или точнѣе—смягчены, то во всякомъ случаѣ не могутъ быть отвергнуты, и только для того, чтобы характеризовать гуситское движеніе какъ исконное и вполне сознательное стремленіе чеховъ къ восточному православію, нуждаются еще въ другихъ болѣе рѣшительныхъ данныхъ ¹⁾. Повторяемъ

evang. Kirche in Böhmen, Bd. I—II. Bielefeld und Leipzig, 1869), французъ *Эрнестъ Дени* (Huss et la guerre des hussites par *Ernest Denis*, Paris, 1878) и др. старѣйшіе и новѣйшіе изслѣдователи гуситскаго вопроса (ср. Введеніе къ нашему соч., особ. 1-е прим. къ 5-й и слѣд. стр.).

¹⁾ Возражая въ выше цитованномъ своемъ сочиненіи противъ положенія нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ, въ особенности противъ *Елагина* («Объ исторіи Чехіи Франца Палацкаго» въ «Чт. Импер. Общ. ист. и древн. Рос.» 1848 г. № 7, стр. 1—44), *Новикова* («Православіе у чеховъ» въ «Чт. Импер. Общ. ист. и древн. Рос.» 1848 г. № 9, стр. 1—94; «Гусъ и Лютеръ». Москва, 1859 г., т. I—II) и др. (см. во Введеніи, 1-е прим. 5-й стр. нашего сочиненія) о «православіи» чешскаго народа, мы, конечно, не отрицаемъ приводимыхъ ими въ защиту своего положенія фактовъ и даже нѣкоторыхъ объясненій ихъ, но высказывались только противъ крайностей выводовъ, по которымъ гуситское движеніе представляется исконнымъ и *вовлнцъ сознательнымъ* стремленіемъ чеховъ къ православному востоку. Однѣвая значеніе приводимыхъ нѣкоторыми нашими учеными фактовъ въ пользу «православія» чеховъ до Гуса и въ гу-

при этомъ то, что высказано было нами ранѣе: не однѣ только общія и западно-европейскія религіозно-реформаторскія движенія причины произвели чешское реформаціонное движеніе XV в. (какъ напр. недовольство тогдашнихъ чеховъ современною латинскою церковію, стремленіе ихъ къ національной независимости отъ

гуситскую эпоху, мы замѣтили (на стр. 195), что «положеніе о постоянной живучести въ чехахъ стремленія къ греко-восточному православію не можетъ быть принято категорически какъ *несомненно доказанная историческая истина*... Поэтому, говорили мы, «вѣтъ, кажется, нужды и достаточно серьезныхъ пока основанийъ слишкомъ рѣзко отдѣлять чешское реформаціонное движеніе отъ другихъ предшествующихъ и современныхъ ему религіозно-реформаторскихъ попытокъ въ западно-католическомъ мірѣ и, въ противоположность этимъ послѣднимъ, считать его *исключительно восточнымъ*», хотя, на основаніи разбора доктрины чешскихъ реформаторовъ, мы признали его *особеннымъ* въ ряду другихъ западно-европейскихъ реформаціонныхъ попытокъ, отличнымъ отъ нихъ и болѣе всѣхъ ихъ приближающимся къ идеалу апостольской церкви и слѣд. къ принципамъ православной церкви. Очевидно, что при такомъ взглядѣ на гуситское движеніе имѣли для насъ значеніе и тѣ факты, которые приводятся нашими учеными въ пользу «православія» чешскаго народа до Гуса и въ гуситскую эпоху: только избѣгая крайностей дѣлаемыхъ отсюда выводовъ, мы понимаемъ эти факты не въ смыслѣ главныхъ образцовъ причинъ, такъ сказать, *рушающихъ*, вызывающихъ и *прямо* направляющихъ гуситское движеніе къ конечной его цѣли—сближенію чеховъ съ *современною* имъ греко-восточною церковію, но въ смыслѣ факторовъ, объясняющихъ характеръ гуситскаго движенія, опредѣляющихъ его ходъ и направленіе—какъ чешско-славянскаго народно-религіознаго движенія, которое, при извѣстныхъ болѣе благопріятныхъ условіяхъ (о чемъ ниже), могло бы привести къ сближенію чеховъ съ православнымъ востокомъ. Подтвержденіемъ этого можетъ служить содержаніе переиздаваемого теперь нами памятника. Такимъ образомъ, не раздѣляя крайностей выводовъ нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ относительно фактовъ «православія» чешскаго народа до Гуса и въ гуситскую эпоху, или иначе—смычая крайности ихъ выводовъ, мы тѣмъ не менѣе признаемъ правильною ихъ точку зрѣнія (хоть и съ извѣстными ограниченіями) на гуситское движеніе какъ движеніе *особенное* въ ряду другихъ предшествующихъ и современныхъ ему религіозно-реформаторскихъ попытокъ на западѣ. И я очень радъ, что жѣ приходится пояснить свою мысль и точку зрѣнія извѣстныхъ нашихъ ученыхъ—въ противоположность западно-европейскимъ католическимъ и протестантскимъ ученымъ—переизданіемъ и объясненіемъ ниже печатаемаго памятника, хотя бы при этомъ, какъ и вообще при возможномъ открытіи другихъ подобнаго рода памятниковъ, представлялась необходимость сдѣлать къ высказанному ранѣе нами взгляду поправки согласно съ новыми данными и требованіями исторической истины.

нѣщевъ, развитіе образованія и отсюда желаніе улучшеній въ народно-религіозной жизни, вліяніе протестовъ предшествующихъ западныхъ реформаторовъ и еретиковъ и т. д.), но, благодаря изслѣдованіямъ въ особенности русскихъ ученыхъ, поставленъ, кажется, вѣ сомнѣнія тотъ выводъ, что для всего хода и направленія чешской реформаціи имѣлъ важное значеніе факторъ, который игнорируетъ большинство католическихъ и протестантскихъ ученыхъ, но который однако нѣкоторыми болѣе безпристрастными изъ нихъ допускается и признается какъ причина, дѣйствовавшая въ возникновеніи и развитіи гуситскаго движенія. Факторъ этотъ — принятіе чехами христіанства съ востока, первоначальное ихъ кирилло-меоодіевское православіе, которое, не смотря на торжество надъ нимъ латинства въ Чехіи, таилось здѣсь въ исторической народной обстановкѣ какъ преданіе, правда затмѣненное временемъ и чуждыми историческими вліяніями ¹⁾, но однако оживавшее (хотя и не вполне ясно), благодаря пробудившемуся народному самосознанію чеховъ и нѣкоторымъ вещественнымъ остаткамъ кирилло-меоодіевской старины. Подъ вліяніемъ можетъ быть воскресавшихъ въ народно-религіозномъ сознаніи кирилло-меоодіевскихъ преданій чешская реформація, обусловливаемая въ своемъ первоначальномъ возникновеніи другими общими и западно-европейскимъ религіозно-реформаторскимъ движеніямъ причинами, приняла нѣсколько иной, отличный отъ нихъ, характеръ и направленіе. Она, въ лицѣ главныхъ ея руководителей и послѣдователей (Гуса, его предшественниковъ и непосредственныхъ послѣдователей — лучшей части утраквистовъ или чашниковъ), болѣе, чѣмъ всѣ другія, стремилась къ подражанію тому идеалу, который для всѣхъ былъ образцемъ подражанія, — идеалу первобытной апостольской церкви, конкретно можетъ быть представляемой у нихъ въ видѣ древняго кирилло-меоодіевскаго православія ²⁾. Заботясь главнымъ образомъ о нравственномъ об-

¹⁾ Указанія на это сдѣланы мною въ ст. «Памятники кирилло-меоодіевской старины въ Чехіи и Моравіи», напеч. въ «Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію», изд. учениками В. И. Ламайскаго (Спб. 1883 г.).

²⁾ По крайней мѣрѣ, память св. Кирилла и Меодія была известна въ Чехіи и Моравіи въ XIV в. и въ послѣдующее время. Такъ напр., въ под-

новленія современной латинской церкви или по крайней жѣрѣ своего общества, чешскіе реформаторы не пытались ниспровергнуть догматы вселенской церкви, и, касаясь догматовъ, избличали

твердательной грамотъ (отъ 1347 г.) Карла IV новооснованному въ Прагѣ славянскому змаусскому монастырю св. Кирилль и Меодій названы патронами чешской земли наряду съ бл. Герономомъ, Войтѣхомъ (къ сожалѣнію) и св. Прокопиемъ (ad honorem... Hieronymi, Cirullique, Methodii, Adalberti et Procopii patronorum dicti regni Boemie martyrum et confessorum. *Вильбасовъ*, Кирилль и Меодій, I, 159—60; ср. *Pelzel*, Kaiser Karl d. Vierte. Prag, 1780. I, 91—93). А въ Моравіи мѣстная латинская церковь, будучи не въ состояніи противиться народнымъ воспоминаніямъ о Кирилль и Меодіи, вынуждена была установить въ честь ихъ даже церковное чествованіе: въ актахъ діоцезальнаго собора въ Оломуцѣ (1349 г.) находится дѣлая глава «de celebratione festi ss. Cyrilli et Methodii, Patronorum Moraviae» (см. *Восчекъ*, Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae. VII, p. 696—7). Чествованіе памяти св. Кирилла и Меодія въ Чехіи и Моравіи продолжалось несомнѣнно и далѣе. Подробности см. въ нашей юбилейной рѣчи на 6-е апрѣля 1885 г., напеч. въ «Христ. Чтеніи», № 3—4 за 1885 г.

Неудивительно поэтому, что даже чешско-моравскіе братья XVI — XVII столѣтій, не смотря на свои уклоненія отъ началъ Гусовой реформы, связывали послѣднюю съ проповѣдію св. Кирилла и Меодія въ Чехіи. Такъ напр., Стравскій въ своемъ сочиненіи «Respublica Bojema» (Лейденъ 1634, 1643, Амстердамъ 1713 и др. изд.; въ извлеченіяхъ съ русскимъ переводомъ у *Гумбердинга* въ прил. къ соч. «Гусъ. Его отношеніе къ прав. церкви». Сиб. 1871) выражается въ томъ смыслѣ, что послѣдователи Гуса, послѣ смерти своего учителя, «вооруженною рукою возстановили скрывавшіяся въ тайнѣ исповѣданіе (т. е. проповѣданное св. Кирилломъ и Меодіемъ) и кое-гдѣ возвратили ему храмы; но сознавая, что оно не можетъ долго оставаться безъ опредѣленнаго порядка и безъ своихъ особыхъ храмовъ, они для рѣшенія дѣла составили у Праги, 7 іюля 1421 года, многочисленное собраніе изъ всей Чехіи и Моравіи; по продолжительномъ обсужденіи, они приняли за образецъ спасительный примѣръ того порядка церковнаго управленія, который нѣкогда установленъ былъ св. Кирилломъ и учредили въ Прагѣ, съ согласія архіепископа Конрада, новую пресвитерскую коллегію для завѣдыванія этимъ управленіемъ, а председателю ея присвоили названіе администратора пражскаго архіепископства» (cap. VI: Tam multis igitur, tamque enormibus injuriis lacessiti Hussi discipuli Bojemi, ... fuerant usi armata, ut diximus, manu, revocatam ex abdito evangelicam religionis professionem, in templa passim reducerunt, et quia diu illam, absque ordine, et tabernaculis stare non posse sentiebant, frequentes apud Pragam ad Nonas Julias (ann. 1421) ex Bojemia omni, Moraviaque confluunt, et re diu, ac multam excussa, quo D. Cyrillum quondam sciebant salutariter usum, exemplo illo prisco, sacrorum, et tractandorum, et gubernandorum ordinem descriperunt et Presbyterium Pragae novum, quod ordini illi servando

только нѣкоторыя догматическія заблужденія латинской церкви по преимуществу опять нравственною ихъ несостоятельностью, противорѣчимъ ихъ требованіямъ нравственнаго евангельскаго закона. Отрицая напр. Римъ *папскій*, они тѣмъ не менѣе признавали Римъ *апостольскій*; поэтому они не разрывали своей связи съ церковнымъ преданіемъ, напротивъ стремились удержать іерархическое преемство въ своей реформированной по Евангелію и примѣру первобытныхъ апостольскихъ временъ церкви и съ этою цѣлію поддерживали сношенія то съ Римомъ, то съ Константинополемъ, желая найти въ церковномъ общеніи авторитетъ и опору для своей вѣры, религіозной мысли и самостоятельной (въ смыслѣ автокефаліи) церковно-канонической жизни. Такова по нашему мнѣнію сущность чешской реформы, которую католическіе ученые выставляютъ по преимуществу народнымъ волненіемъ съ еретическими тенденціями чешскихъ реформаторовъ къ своеобразной догматикѣ и морали и слѣдовательно рѣшительному отчужденію отъ церкви или ея идеи, а протестантскіе ученые — какъ протестъ ихъ противъ догматики и вообще всего строя латинской церкви, какъ занявшуюся зарю новой эпохи церковной жизни, начатой, говорятъ, собственно реформою Лютера. Мы не имѣемъ въ виду полемизировать съ этими взглядами латинскихъ и протестантскихъ ученыхъ, противъ которыхъ въ другомъ мѣстѣ намъ подробнѣе приходилось разъяснять свою точку зрѣнія и указывать тамъ на глубокія соображенія по гуситскому вопросу нѣкоторыхъ другихъ нашихъ изслѣдователей, а теперь прежде сказанное повторяемъ только для того, чтобы отмѣтить возможность и фактъ существованія иной точки зрѣнія на гуситское движеніе у православныхъ славянскихъ изслѣдователей — въ частности русскихъ, чѣмъ какія по своимъ вѣроисповѣднымъ воззрѣніямъ и симпатіямъ высказываютъ обыкновенно западно-евро-

praesesset, de assensu Archiepiscopi Conradi crexerunt, ejusque antesignanum Archiepiscopatus Pragensis Administratorem appellarunt. Извѣд. у Гильфердинга въ цит. соч., стр. 76 — 77). Извѣстіе это, не смотря на нѣкоторыя частныя фактическія неточности и ошибки автора въ цѣломъ сочиненіи, важно все-таки въ субъективномъ отношеніи, какъ мнѣніе почтателя Гуса о связи его реформы съ кирилло-меодіевскою проповѣдію въ Чехіи.

нейскіе католическіе и протестантскіе ученые. И думается намъ, что православные изслѣдователи гуситскаго движенія, выходя изъ сущности православія—начала взаимной христіанской любви, которой, по выраженію Хомякова, вѣрено храние іе истины церкви, ея единства и свободы или свободы въ гармоніи ея проявленій, — вѣрнѣе могли понять и сущность чешской реформы, особенно выдвигавшей и разъяснявшей вопросъ о необходимости нравственнаго возрожденія общества по началамъ Евангелія и первобытной апостольской церкви, указывавшей на необходимость для этого главнымъ образомъ взаимной христіанской любви (что постоянно составлялось Гусомъ, его чешскими предшественниками и прямыми послѣдователями. особенно выразилось въ вопросѣ о частомъ и даже ежедневномъ причащеніи вѣрующихъ, ибо евхаристія есть по преимуществу таинство любви ¹⁾), которая заставляла послѣдователей чешской реформы, при свободѣ ихъ личныхъ мнѣній и нѣкоторыхъ догматическихъ заблужденійхъ, стремиться къ общенію церковному, къ единству церкви въ свободѣ или—скажемъ опять словами Хомякова — къ свободѣ въ гармоніи ея проявленій. Такимъ образомъ вѣроисповѣдная точка зрѣнія православныхъ ученыхъ помогла имъ вѣрнѣе взглянуть на чешскую реформу, чѣмъ какъ пытались представить ее съ точки зрѣнія своихъ вѣроисповѣдныхъ симпатій ученые католическіе и протестантскіе.

Затѣмъ, противорѣчіе взглядовъ на гуситское движеніе зависитъ еще отъ національныхъ симпатій изслѣдователей. Западно-европейскіе, не-чешскіе изслѣдователи, въ особенности нѣмцы, подъ вліяніемъ историческихъ и до сихъ поръ продолжающихся счетовъ съ славянствомъ и въ частности съ чехами, можетъ быть неизбѣжно впадали въ преувеличенія, искаженія истиннаго смысла историческихъ сказаній и потому нерѣдко писали свои изслѣдованія въ смыслѣ, такъ сказать, обвинительнаго акта противъ неправдъ чешскихъ вождей гуситскаго движенія, жестокостей гуситовъ и другихъ выставляемыхъ ими неправдъ противъ германизма, отъ которыхъ въ свою очередь должны были отписываться чешскіе ученые,

¹⁾ См. подробности въ нашемъ цит. соч., преимущественно въ III гл.

оправдываясь нерѣдко съ точки зрѣнія также своихъ собственныхъ народныхъ чувствъ и симпатій ¹⁾. А эта полемика и мѣшала объективному изслѣдованію исторической истины... Впрочемъ пужно замѣтить, что возстановленію этой истины весьма много содѣйствовали чешскіе ученые (какъ напр, Палацкій ²⁾, Томекъ ³⁾, Гиндели ⁴⁾, Голль ⁵⁾ и др.), которые—кстати замѣтить—могли бы полнѣе и глубже прояснить сущность чешской реформы, если бы безпристрастно оцѣнивали точку зрѣнія православныхъ изслѣдователей гуситскаго движенія.

Наконецъ, разнообразіе и даже противорѣчіе существующихъ въ литературѣ по гуситскому вопросу мнѣній зависитъ, безъ сомнѣнія, отъ недостаточности также матеріаловъ (сравнительно съ важностію и сложностію исторической обстановки гуситскаго движенія). Не смотря на множество изданій разнаго рода матеріаловъ, относящихся къ гуситскому движенію, масса ихъ однако остается въ рукописяхъ, частію описанныхъ, а иногда и совсѣмъ неизвѣстныхъ ученому міру, въ библіотекахъ разныхъ латинскихъ монастырей, въ частныхъ архивахъ окатоличившейся чешской аристократіи и даже въ другихъ странахъ Европы. Къ сожалѣнію, нельзя не признать, что чешскіе ученые въ настоящее время менѣе, чѣмъ слѣдовало бы, обращаютъ вниманіе на культурную исторію своей страны и народа и въ частности на церковную исторію своего народа.

¹⁾ Къ характеристикѣ этого можетъ служить хотя болѣею частію вполне основательная, но по мѣстамъ и рѣзкая критика чешскаго исторіографа Палацкаго (въ «Geschichte des Hussitenthums und Prof. Const. Höfler», Prag, 1868) противъ нѣмецкаго издателя и изслѣдователя гуситскихъ памятниковъ, пражскаго пров., Гёфлера («Geschichtschreiber der hussitischen Bewegung in Böhmen», Th. I—III въ «Fontes rerum Austriacarum», Scriptores, Bd. II, VI и VII).

²⁾ Въ «Dějiny národu českého v českýchъ a Moravě» (нѣм. изд. съ 1836 г. и чешское съ 1848 г.), въ I—V томахъ (двойныхъ); и въ другихъ многочисленныхъ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ по гуситскому вопросу.

³⁾ Въ своемъ теперь уже 7-томномъ «Dějepis města Prahy» изд. продолжается до сихъ поръ), затѣмъ въ «Jan Žižka» (W Praze 1879) и др.

⁴⁾ Главнымъ образомъ въ «Geschichte der böhmischen Brüder», Prag, 1857—8, Bd. I—II.

⁵⁾ Напр. въ своихъ «Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der böhmischen Brüder» Prag, I (1878) и II (1882).

Поэтому выходитъ, что многочисленные матеріалы для чешской церковной исторіи остаются неизданными,—не напечатаны даже многіе весьма важные матеріалы для внутренней исторіи чешской реформы. До сихъ поръ напр. еще не напечатанъ замѣчательный и весьма важный для характеристики внутренней жизни чешской братской общины, такъ называемый, 14-ти томный „Братскій Архивъ“, который въ старыхъ копіяхъ хранится у гернгутеровъ въ Гернгутѣ или по чешски—Охрановѣ въ Саксоніи (въ „Unitäts-Bibliothek in Herrnhut“), а въ новѣйшихъ—въ пражскомъ земскомъ архивѣ; не напечатаны также сочиненія Милича Бромерижскаго, Матвѣя Яновскаго и др. предшественниковъ и послѣдователей Гуса, и т. д. ¹⁾. А между тѣмъ все эти матеріалы могли бы пролить много новаго свѣта на возникновеніе, развитіе, характеръ и направленіе чешской религіозной жизни и въ частности гуситской реформы. Тутъ можно найти не мало указаній на тѣ стороны чешской религіозной жизни и въ частности гуситской реформы, которыя выдвинуты и доказываются православными изслѣдователями; тутъ вообще заключается матеріалъ, который необходимо имѣть въ виду историкъ чешской культурной жизни и въ частности изслѣдователю чешской церковной исторіи для уясненія истиннаго смысла извращаемыхъ или совсѣмъ не упоминаемыхъ въ *известныхъ* историческихъ изслѣдованіяхъ весьма важныхъ историческихъ фактовъ внутренней религіозной жизни чеховъ. Какъ, поэтому, жаль, что чешскіе ученые, занимаясь издавіемъ и изученіемъ памятниковъ, касающихся исторіи ихъ страны и народа, не обращаютъ должнаго вниманія на памятники своей религіозной жизни, предоставляя тенденціознымъ защитникамъ латинства и протестантства въ Чехіи исказить историческую истину! Въ интересахъ этой истины и для разъясненія внутренней церковно-исторической жизни чешскаго народа, безъ чего, конечно, немислимо и вообще уразумѣніе на-

¹⁾ Подробнѣе объ этихъ матеріалахъ приходилось мнѣ говорить въ своемъ отчетѣ о научныхъ занятіяхъ за границей—въ Прагѣ, Гернгутѣ и Вьвѣ. Отчетъ этотъ напечатанъ—къ сожалѣнію не совсѣмъ исправно—въ «Журн. заведеній совѣта спб. дух. Академіи за 1883—4 учебный годъ» (Спб. 1884) и—за 1884—85 (Спб 1885).

родной культурной истории, крайне желательно, чтобы чешские ученые обратили больше безпристрастного внимания на начало христианизации своего народа вследствие проповеди св. Кирилла и Меодия, на судьбу основанной ими здесь церкви, которая, не смотря на преследования ее немецко-латинской стихией, по словам протестанта Круммеля, имела впоследствии величайшую важность для всего развития чешской церкви и в частности для возникновения в Чехии такого могучаго реформаціоннаго движенія, какимъ было гуситское ¹⁾. А для разъясненія этихъ и другихъ культурныхъ вопросовъ чешской истории необходимы розысканія остатковъ памятниковъ кирилло-меодіевской старины въ Чехии—памятниковъ въ литературѣ, религіозной жизни и пр., изслѣдованія прямыхъ или косвенныхъ указаній на степень вліянія и значенія кирилло-меодіевской идеи въ послѣдующей исторической жизни чешскаго народа,—однимъ словомъ. необходимо слѣдить по разнаго рода памятникамъ за процессомъ развитія или ослабленія кирилло-меодіевскихъ преданій въ исторической жизни чешскаго народа. Правда, работы по собиранію подобнаго рода матеріаловъ давно уже начаты и у самихъ чеховъ ²⁾; тѣмъ не менѣе ведется онѣ большею частію случайно и отрывочно,—нѣтъ еще постоянной научной системы, цѣлаго научнаго направленія, сознающаго ихъ неизбѣжную нужду и неоспоримую важность. Можно только надѣяться, что при настоящемъ сознаніи важности этихъ работъ стремленіе къ изученію кирилло-меодіевской старины въ Чехии усилится, и теоретическія и отсюда сами собою практическія послѣдствія этого могутъ привести и къ сближенію историко - культурныхъ интересовъ чешскихъ съ обще-славянскими или иначе греко-славянскими.

¹⁾ *Krummel*, l. c. S. 7—10. Слова Круммеля въ букввальномъ русскомъ переводѣ приведены у насъ въ цит. соч. на стр. 198—199.

²⁾ Указанія на эти работы сдѣланы были нами ранее, напр. въ ст. «Памятники кирилло-меодіевской старины въ Чехии и Моравіи», напеч. въ «Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію», изд. учениками В. И. Ламанскаго, также въ юбилейной рѣчи на 6-е апрѣля 1885 г., напеч. въ «Христ. Чт.» за 1885 г., № 3—4. Здѣсь прибавимъ только, что много весьма любопытнаго матеріала и глубокихъ соображеній о кирилло-меодіевской старинѣ въ Чехии и Моравіи можно находить въ издающейся теперь въ Вѣнѣ газетѣ «Parlamentär».

Во всякомъ случаѣ новыя открытія и изслѣдованія памятниковъ кирилло-меодіевской старины въ Чехіи, памятниковъ постепенной латинизаціи и германизаціи этой страны, дадутъ много важныхъ и необходимыхъ данныхъ для характеристики въ частности гуситскаго движенія. Въ свою очередь и новыя открытія памятниковъ гуситской эпохи могутъ послужить также матеріаломъ для установленія историко-генетической ея связи съ начальной христіанскою исторіею Чехіи.

Въ виду всего сказаннаго переиздаваемый нами ниже памятникъ на греческомъ языкѣ, касающійся сношеній чеховъ съ восточною церковію въ періодъ гуситской эпохи, получаетъ весьма важное значеніе для пониманія этой эпохи и вообще особенностей чешской культурной исторіи. Не смотря на то, что этотъ памятникъ былъ уже напечатанъ, еще въ концѣ XVII столѣтія, іерусалимскимъ патриархомъ Досифеемъ въ его теперь рѣдкою (по крайней мѣрѣ у насъ, какъ пришлось мнѣ убѣдиться опитомъ, въ Россіи) изданіи „Тόμος Ἀγάπης“¹⁾; тѣмъ не менѣе ученые, занимавшіеся гуситскимъ вопросомъ, до сихъ поръ не обращали на него вниманія, а можетъ быть и не знали о его существованіи, по крайней мѣрѣ не ссылались на него и даже не упоминали о немъ. Да и я самъ, нужно сознаться, при написаніи своей книги „Вопросъ о чашѣ въ гуситскомъ движеніи“, касаясь предмета, содержащагося въ переиздаемомъ теперь памятникѣ, не зналъ о его изданіи, хотя и предполагалъ его существованіе въ рукописяхъ. Только въ 1884 г., при разборѣ рукописей святогробской бібліотеки и патриаршаго архива въ Константинополѣ, я случайно былъ наведенъ на возможность существованія въ константинопольскихъ книгохранилищахъ переиздаемаго нами памятника. Ближайшее ознакомленіе съ изданіями патр. Досифея открыло мнѣ ниже перепечатаваемый памятникъ, рукописный подлинникъ котораго однако не удалось отыскать въ наличныхъ рукописяхъ константинопольскихъ книгохранилищъ. Но можно пред-

¹⁾ Τόμος Ἀγάπης κατὰ λατίνων συλλεγείς καὶ τοπωθεῖς παρὰ Δωσιθέου πατριάρχου Ἱεροσολύμων, ἐν Γιζιφ. 1698, in f^o (σελ. 320 · 332).

полагать, что патр. Досиоей, пользовавшийся для своихъ изданій рукописями святогробской бібліотеки, пользовался и для переиздаваемого нами напечатаннаго имъ памятника какими-нибудь рукописнымъ подлинникомъ изъ той же бібліотеки. Гдѣ находится теперь рукописный оригиналъ для переиздаваемого нами памятника, — неизвѣстно. Нѣтъ ли этого оригинала въ патриаршей бібліотекѣ въ Іерусалимѣ, куда вывезена часть рукописей и книгъ изъ святогробской бібліотеки въ Константинополь? можетъ быть, тамъ или въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ найдется также и оригиналъ „исповѣданія вѣры“ чешскаго посла Константина Ангелика или Англика, который—какъ нужно предполагать—принесъ и предложилъ свое „исповѣданіе“ вѣроятно на языкѣ латинскомъ ¹⁾. Что же касается другой части напечатаннаго патр. Досиоеемъ и переиздаваемого нами памятника — „изложенія“ православной вѣры, предложеннаго чешскому послу со стороны константинопольской церкви, то эта часть, вѣроятно, напечатана была патр. Досиоеемъ въ подлинникѣ, т. е. въ греческомъ оригиналѣ.

Такимъ образомъ, не смотря на существующее уже печатно

1) Объ этомъ можно предполагать на основаніи свидѣтельства итальянца — католика *Убертино Пускуло*, который, будучи очевидцемъ пребыванія чехогусита въ Константинополь (вѣроятно—Константина Ангелика или Англика) писалъ между прочимъ: «Варнарь (т. е. чешскій посланецъ), когда увидѣлъ, что храмъ наполнился народомъ, взошедь на указанное ему мѣсто, сталъ, весь покрытый волосами, въ косматомъ одѣяніи, съ обнаженною главою, и, расправляя по плечамъ длинныя, нечесанныя волосы, раскрылъ свои лютыя уста. Давно ожидающія, развращенныя слова подхватываетъ вадорный толмачъ Франкулли и греческимъ языкомъ передаетъ вѣроломному сонмашу его *латинскія рчи* (*Excipit interpres vanus Francullus beneque Grajorum sermone facit romana sonantem Concilio clarum falso...* Мы не удерживаемъ здѣсь стихотворной формы подлинника, для обозначенія которой оставили начальныя буквы стиха прописными) и съ высокаго амвона изливаетъ на святаго первосвященника и вѣрныхъ римлянъ все злое, что только можно произвести устами и выдумать умами и что только ненависть, подъ наятіемъ оурій, можетъ внушить безвильному бжешеству». Извеченіе изъ печатнаго подлинника (въ изданіи Элиссена въ приложеніи къ 3-й части его сборника «*Ap- lecten der mittel-und neugriechischen Literatur*») напечатано вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ у *Гильбердина* въ прил. къ соч. «Гусъ. Его отношеніе къ прав. церкви», стр 57.—61.

изданіе переиздаваемого нами памятника, новое его изданіе, снабженное нами русскимъ переводомъ, представляется далеко не лишнимъ особенно въ виду того значенія, какое оны имѣеть для пониманія гуситскаго вопроса. Значеніе же его въ этомъ отношеніи опредѣляется какъ *извѣстнаго рода* новизною, такъ еще больше характеромъ содержанія, которое можетъ способствовать болѣе правильному уясненію гуситскаго движенія и въ частности не вполнѣ разъясненнаго историческаго факта сношеній чеховъ-гуситовъ въ половинѣ XV в. съ константинопольской церковію.

До сихъ поръ касательно сношеній чеховъ-гуситовъ съ Константинополемъ были извѣстны слѣдующія данныя, которыми такъ или иначе воспользовались изслѣдователи гуситскаго движенія. По извѣстію Коменскаго ¹⁾, *неизвѣстно съ какомъ именно году* чешскіе послы во главѣ съ пресвитеромъ Константиномъ Ангеликомъ отправились въ Константинополь и сообщили патриарху свое (до сихъ поръ бывшее неизвѣстнымъ) исповѣданіе вѣры. Получивши наставленіе въ православной вѣрѣ (подробности этого наставленія опять не были до сихъ поръ извѣстны), послы возвратились въ Прагу и принесли отъ всей греческой (константинопольской) церкви посланіе къ чехамъ ²⁾, которое датировано 18 января 1451 года, XV индикта, но которое въ дѣйствительности (такъ какъ XV индиктъ относился къ 1452 году) принадлежитъ къ 1452 году, а не къ 1451. Это замѣчательное посланіе подписано было нѣсколькими епископами восточной церкви (Макаріемъ никоидійскимъ, митр. терновскимъ Игнатіемъ, митр. филиппопольскимъ Иосифомъ, митр. Акакіемъ ³⁾, а также великимъ епископомъ, діако-

¹⁾ Historia o těžkých protiwenstwich cýrkwe české, cap. XVIII. 3. str. 49 (изд. у Hříberku, 1844). Ср. лат. изд. (Halle, 1702), p. 60.

²⁾ Посланіе это на греческомъ языкѣ, имѣетъ съ буквальныймъ латинскимъ его переводомъ, издано между прочимъ Фрехеромъ (*Frœheri Rerum bohemicarum scriptores*. Hanoviae 1602), откуда оно взято и переиздано, съ переводомъ его на русскій языкъ, Гильфердингомъ въ прил. къ соч. «Русь. Его отношеніе къ прав. церкви». Ср. Христ. Чт. за 1870 г. т. I.

³⁾ Dějiny nár. česk. IV, 1, стр. 259, прил. 244. По словамъ Палацкаго «datum die XVIII Januarii MCCCCLI, indictionis XV» относится къ 1452, но отсюда не къ 1451 г., ибо въ Константинополѣ былъ обычай считать новый

номъ Сильвестромъ Сирицуломъ, дикоофилаксомъ и іеронимомомъ, діакономъ Θεοδορομъ Αγαλλιανомъ и наконецъ соборнымъ учителемъ (т. е. главнымъ проповѣдникомъ) церкви православныхъ, смиреннымъ монахомъ Γενναδίемъ“, въ мирѣ Γεοργίемъ Σκολαρίемъ, который скоро впоследствии сдѣлался константинопольскимъ патріархомъ ¹⁾. Выражая въ своемъ посланіи материнскую радость по поводу обращенія чеховъ отъ Рима къ востоку, константинопольская церковь или точнѣе — представители ея писали между прочимъ: „...Итакъ когда не безъ величайшей радости и какъ бы въ залогъ будущаго плодоношенія, возрастаніе числа добрыхъ страдальцевъ въ исповѣданіи истинной вѣры дошло до слуха сей благоутробной матери (т. е. константинопольской церкви), и мы въ особенности чрезъ вашего брата (съ лат. нашего) и сына нашей церкви, Константина Англика (съ лат. Ангелика), носителя настоящаго посланія, учителя (т. е. доктора) и честнѣйшаго іерея, — извѣстились яснѣе, что вы не придерживаетесь нововведеній, отъ вѣкихъ въ Церкви Христовой происшедшихъ, но стойте твердо на основаніи вѣры, преданной намъ отъ Господа и Его учениковъ, — то сія святая Церковь признала за благо писать вамъ и призвать къ единенію съ собою ²⁾)... Съ недавняго времени мы удостовѣрились, что вы, такъ сказать, возрождаетесь и приступаете къ общему христіанскому ученію и истинному благочестію, что вы не только не покидаете матери (церкви), но томитесь, сжигаемые возжелѣніемъ истинной матери, которой вы еще ищете. Это яснѣе открылось намъ чрезъ присутствіе вышеназваннаго благочестиваго іерея

годъ съ 21 марта или 1 апрѣля, яднеть же 1451 г. былъ 14, а 15 — только 1452 г. Въ подтвержденіе этой догадки можетъ служить хронологическая дата въ вышемъ памятникѣ, гдѣ Константинъ Ангеликъ или Англикъ представляется прибывшимъ въ Константинополь только въ 1452 г. — и. б. въ началѣ. Ср. въ надписаніи памятника.

¹⁾ Геннадій (Сколариѳ) былъ первымъ послѣ взятія Константинополя въ 1453 г. патріархомъ константинопольскимъ.

²⁾ ...καὶ μάλιστα παρὰ τοῦ ὀμμετέρου ἀδελφοῦ τοῦ οἰοῦ τῆς ἡμῶν ἐκκλησίας, Κωνσταντίνου Ἀγγλικοῦ (въ лат. пер.: a postro vel maxime fratre, filio postrae ecclesiae, Constantino Angelico) τοῦ διακομιτοῦ τῶν παρόντων διδασκάλου, καὶ αἰδεσίμου ἱερέως, ἐπληροφόρηθημεν ἐναργέστερον.

(т. е. Константина Англика), который, какъ сказано, изложилъ намъ все, что васъ касается, въ подробности и представилъ намъ свое собственное исповѣданіе вѣры, признанное святою матеріею здравымъ и удобопріемлемымъ ¹⁾, а съ своей стороны принялъ данное ему отъ нея наставленіе въ истинной вѣрѣ, въ коей должны согласоваться всѣ хотящіе спастись, каковое наставленіе онъ и сообщить вашей любви.

„Итакъ, возжелѣнные братія и сыны, если дѣло таково, какъ мы слышимъ и надѣемся, посѣдите единеніежъ съ нами... ²⁾. Ибо уповаемъ о Богѣ, что вы во всемъ будете согласны съ нами ³⁾, и затѣмъ мы съ величайшимъ тщаніемъ и любовію озаботимся о снабженіи васъ духовными пастырями и попечителями душъ вашихъ, которые будутъ пасты васъ словомъ истины и примѣромъ жизни не нанесуть вамъ скорби. Относительно же обычаевъ вашей церкви, мы хотимъ, по апостолу, благомысленно сдѣлать вамъ снисхожденіе ⁴⁾ въ тѣхъ предметахъ, которые исходятъ изъ благаго основанія и самаго чистаго намѣренія и одобреніе коихъ послужить къ вашему назиданію и не будетъ противно чести сей святой матери и нашему истинному о ней общенію и послушанію. Ибо, что касается таковыхъ различій въ обычаяхъ, то мы не

1) ...ὁμᾶς ἐπληροφορήθημεν, καὶ πρὸς τὴν κοινὴν τῶν χριστιανῶν θρησκείαν καὶ ἀληθῆ εὐσεβείαν ἐπεινέναι· οὐδὲ τὴν μητέρα καταλιμπάνειν, ἀλλὰ τῷ πόθῳ τῆς ἀληθινῆς μητρὸς ἐκχαίρομενος, καὶ ταύτην ἔτι ζητοῦντας, πονεῖν. ὁ δὲ ἡ παρουσία τοῦ εἰρημένου εὐλαβοῦς ἱερέως σαφέστερον ἡμῖν ἐδήλωσε. ὡς προεῖρηται, διηγησαμένου τὰ καθ' ὑμᾶς κατὰ μέρος, καὶ δόντος μὲν αὐτοῦ ὁμολογίαν ἰδίαν, τῇ ἁγίᾳ μητρὶ ὕγιως ἔχουσαν καὶ εὐπρόσδεκτον, ἀποδεξαμένου δὲ καὶ τὴν δοθείσαν αὐτῷ παρ' αὐτῆς διδασκαλίαν τῆς ἀληθοῦς πίστεως, ἐν ἣ δεῖ συμφωνεῖν πάντας τοὺς μέλλοντας σωζεσθαι, ἣν καὶ πρὸς τὴν ὑμῶν ἀγάπην κομιεῖ.

2) Οὐκοῦν, ποθεινότατοι ἀδελφοὶ καὶ υἱοί, εἰ οὕτως ἐστίν, ὡς ἀκούομεν καὶ ἐλπίζομεν, ἐπισπεύσατε τὴν μεθ' ἡμῶν ἔνωσιν...

3) Ἐλπίζομεν γὰρ ἐπὶ τῷ Θεῷ, ὅτι ἐν πᾶσι ἔσεσθε σύμφωνοι ἡμῖν.

4) Περὶ δὲ τὰ τῆς ἐκκλησίας ὑμῶν ἔθιμα εὐγνωμόνως συγκαταβῆναι ὑμῖν μετὰ τοῦ ἀποστόλου βουλόμεθα...

затрудняемся благонамѣренно и разсудительно сдѣлать безвредныя уступки“¹⁾).

„Да дастъ же Вседержитель Господь, заключаетъ свое посланіе константинопольская церковь, чтобы и вы были таковыми, какъ мы о васъ недавно узнали, и чтобы, подобно вамъ, многіе другіе воспріяли духъ истинной жизни, во умноженіе и приращеніе присныхъ чадъ истинной матери, и да сотворитъ Онъ, чтобы вы съ нами, въ единомъ домѣ церкви, содержа одни и тѣ же догматы и обычаи, единными устами и сердцемъ восхваляли Его во вѣки вѣковъ. Аминь“.

Въ отвѣтъ на любвеобильное посланіе константинопольской церкви администраторы пражской утравкистской консисторіи отъ 29 сент. 1452 г. отправили опять съ тѣмъ же пресвитеромъ Константиномъ Ангеликомъ письмо²⁾ на имя „императора Константина Палеолога, верховнаго патріарха греч. церкви Геннадія...“³⁾ и всей греческой церкви“. Въ этомъ письмѣ они благодарятъ Бога за ту милость, которую Онъ оказалъ имъ чрезъ дарованіе общенія съ ними греческой церкви въ вышеупомянутомъ ея посланіи. Указывая при этомъ, что принятая или евангельская вѣра Христова обязываетъ ихъ къ подражанію дѣяній первобытной апостольской церкви и преподаванію вѣрующимъ честнаго таинства тѣла и крови Господа подъ обоими видами⁴⁾, указывая также на чрезвычайныя злоупо-

¹⁾ Περί γάρ τήν διαφοράν τῶν τοιοῦτων ἐθιμῶν οὐ χαλεπῶς ἐχόμεν ἐξ ἀγαθῆς βουλῆσεως τε καὶ διακρίσεως ἀβλαβῶς οἰκονομεῖν.

²⁾ Это письмо напечатано *Палацкимъ* (въ *Fontes rerum Austriacarum Abth. II, Bd. XX, n. 38, pp. 51—53*) и перепечатано у насъ въ пат. соч. въ приложеніи А, гдѣ—кетати—слѣдуетъ исправить вырвавшуюся опечатку: вм. даты числа мѣсяца въ вышеуказанномъ посланіи греч. церкви «18 января» напечатано 15 января (тоже и въ оглавленіи).

³⁾ Геннадій еще въ то время не былъ патріархомъ.

⁴⁾ *Agnoscimus praestantissimum esse vitae humanae artificium et magisterium imitari opera et facta primitivae ecclesiae. Deus siquidem... accendit in cordibus nostris fidem evangelii domini et servatoris nostri Jesu Christi, ut imitemur actiones primitivae ecclesiae et populo fidei administraremus venerabile sacramentum corporis et sanguinis domini sub utraque specie, quae fides cum ardeat in nobis, ducit nos in agnitionem et amorem dei, qui ex abyssu suae misericordiae sine fine efficit in nobis, ut possimus re praestare quae praecipit.*

требленія панства, въ частности на стремленія папы уподобиться Богу ¹⁾ и на свои собственные страданія и мученія своихъ друзей и братьевъ по вѣрѣ, администраторы писали между прочимъ: „Непрестанно благодаримъ Бога за то, что Онъ преисполнилъ насъ послѣ слезъ радостію. Ибо послѣ скорби и несчастія Онъ никогда не лишаетъ своихъ (людей) утѣшенія. Далѣе, въ числѣ прочихъ многочисленныхъ чудесъ божественнаго утѣшенія мы удивляемся (т. е. новому доказательству утѣшенія) и воспринимаемъ съ величайшею сердечною радостію ваше благоволеніе и любовь къ намъ, такъ какъ вы, сверхъ чаянія, посѣтили насъ. Ибо вы утѣшили насъ своимъ посланіемъ, полнымъ любви, равно и неожиданнымъ благорасположеніемъ въ отношеніи къ Константину магистру и доктору, возлюбленному во Христѣ Іисусѣ вѣрному другу, помощнику и легату нашему ²⁾. Итакъ возблагодаримъ Бога за столь неизреченный Его даръ, который принесенъ былъ къ намъ, помимо нашей заслуги, издалека (отъ предѣловъ земли ³⁾). И когда оный достопочтенный пресвитеръ Константинъ, который охотно пришелъ къ намъ, готовился снова итти къ вамъ, то мы настойчиво и смиренно просили его, чтобы онъ, иже въ виду посѣтить ваше достоинство послѣ большого разстоянія труднаго пути сообщилъ вамъ то, что мы вложили въ тайники его сердца и о чемъ хотимъ потою съестись съ вами. И мы сдѣлали это, твердо надѣясь какъ на его вѣрность, такъ и правдивость (добродѣтельность). Почему мы, насколько можемъ, отъ души просимъ васъ, чтобы вы, на самоѣ дѣлѣ, обратили свою милость и благосклонность къ намъ и излили на насъ свою любовь. Мы не сомнѣваемся, что вы самымъ дѣломъ докажете то, что послужить къ славѣ, чести и возрастанію каѳолической христіанской вѣры“.

¹⁾ (Ille homo peccati adversarius)!. non solum extollit sese supra omne quod est deus, sed adorari quoque *vult in loco sancto templi sedens et sese ostentans tamquam esset deus.*

²⁾ Nam consolati estis nos literis vestris plenis amore atque favore incredibili in Constantinum magistrum et doctorem in Christo Jesu dilectum fidelem amicum et *coadjutorem et legatum nostrum.*

³⁾ Sint itaque gratiae aeterno deo pro tam ineffabili dono illius, quia gratia tanti muneris citra nostrum laborem a finibus terrae ad nos perlata est.

Гёфлеръ сообщаетъ еще другое письмо администраторовъ пражской уtrakвистской консисторіи — подъ заглавіемъ, „Revocatio Rokuzanae a para ad Graecos“, которое датировано 14 ноября 1452 г. ¹⁾. Но это письмо оказывается тождественнымъ по содержанию съ предыдущимъ и — по предположенію Червенки ²⁾ — представляетъ только стилистическое упражненіе какого-нибудь невѣжественнаго писца XV в. (съ повтореніемъ напр. ошибки о патріаршествованіи Геннадія въ 1452 г.).

Всѣми вышеуказанными документальными данными и ограничивались до сихъ поръ ученые при разъясненіи факта сношеній чеховъ-гуситовъ съ Константинополемъ въ началѣ второй половины XV в. Переиздаваемый теперь нами историческій памятникъ восполняетъ нѣкоторые пробѣлы, относящіеся къ данному факту. Въ хронологическомъ порядкѣ онъ предшествуетъ вышеуказаннымъ историческимъ документамъ и относится, какъ показано въ его надписаніи, къ 1452 (6960) году, вѣроятно къ началу этого года, а можетъ быть и къ концу 1451 г. ³⁾, потому что самое посланіе константинопольской церкви къ чехамъ помѣчено датой 18 января 1451 года XV индикта, т. е. 18 января 1452 года). Поэтому переиздаваемый нами памятникъ восполняетъ подробности, на которыя сдѣланы ясныя указанія въ посланіи константинопольской церкви къ чехамъ и которыя относятся ко времени перваго пребыванія Константина Ангелика или Англика въ Константинополѣ. Въ нашемъ памятникѣ содержится, во 1-хъ, то исповѣданіе вѣры, которое устно и потомъ по требованію письменно предложилъ собору константинопольской церкви іерей Константинъ и которое константинопольская церковь въ своемъ посланіи къ чехамъ назвала „здравымъ и удобопріемлемымъ“, а во 2-хъ, въ немъ содержится и то изложеніе православной вѣры, которое предложено было Константину со стороны патріаршаго синода константинопольской церкви и которое долженъ былъ сообщить чехамъ ихъ легатъ, упомянутый іерей Константинъ, получивъ при этомъ извѣстное

¹⁾ Это письмо издано Гёфлеромъ (въ «Geschichtschreiber...» III, p. 176—7, п. 2) и перепечатано въ приложеніи къ нашему пят. соч. на стр. 572—3.

²⁾ *Sverwenka*, I. c., I, 368 п.

³⁾ Ср. выше 3-е прим. стр. 83—84.

письменное посланіе къ нимъ константинопольской церкви съ приглашеніемъ къ церковному общенію въ единствѣ православной вѣры при обѣщаніи сдѣлать имъ „безвредныя уступки“ касательно обычаевъ ихъ церкви, „которые исходятъ изъ благаго основанія и самаго чистаго намѣренія и одобреніе коихъ послужить“ къ ихъ „назиданію и не будетъ противно чести“ православной церкви и „истинному о ней общенію и послушанію“.

Для характеристики собственно направленія гуситской реформы особенное значеніе представляетъ исповѣданіе вѣры чешскаго посла іерея Константина, хотя и преодаланное ему константинопольскою церковію наставленіе въ православной вѣрѣ заключаетъ въ себѣ нѣсколько весьма любопытныхъ извѣстій касательно вообще отношеній чеховъ къ восточной церкви.

Въ исповѣданіи вѣры Константина ясно выражается существенная черта гуситской реформы — нравственно-практическое ея направленіе, равно и тѣ ея особенности, которыя привели непосредственныхъ и многочисленныхъ продолжателей Гусовой реформы — утраквистовъ или чашниковъ къ переговорамъ о сближеніи съ востокомъ и которыя константинопольская церковь не считала препятствіемъ къ церковному единенію съ чехами, когда писала имъ извѣстное свое посланіе, называя исповѣданіе ихъ легата Константина „здравымъ и удобопріемлемымъ“ и общаясь при согласіи съ ними въ вѣрѣ сдѣлать имъ безвредныя уступки касательно различій въ обычаяхъ. Въ своемъ исповѣданіи вѣры пресвитеръ Константинъ неоднократно указываетъ на нравственное паденіе римскаго первосвященника, какъ на причину своего собственнаго, а въ своемъ лицѣ и другихъ единомышленниковъ чеховъ, отступленія отъ римской церкви. Признавая необходимость „вѣры“ (Рим. X, 10) для спасенія, Константинъ исповѣдуетъ, что эта вѣра должна свидѣтельствоваться дѣлами добродѣтели. При этомъ онъ ясно выставляетъ на видъ нравственную преступность папы, который, самъ нарушая заповѣди Христовы, становится источникомъ соблазновъ для другихъ. Вообще нравственно-практическія уклоненія папы отъ требованій евангельскаго закона служатъ для Константина и его единомышленниковъ однимъ изъ главныхъ побужденій къ протестамъ

ихъ противъ римской церкви. И съ точки зрѣнія нравственно-практической несостоятельности римскаго первосвященника Константина съ своими единомышленниками критикуеть даже ученіе римской церкви. Поэтому онъ выражается напр., что хотя папа считаетъ себя главою и пастыремъ католической церкви, однако неисполненіемъ и нарушеніемъ заповѣдей Христовыхъ онъ въ дѣйствительности только унижаетъ пастырей. Затѣмъ ниже, въ другомъ мѣстѣ говорить, что если бы какой-либо пастырь желалъ быть истиннымъ пастыремъ, то онъ долженъ бы быть и безпорочнымъ апостоломъ, особенно когда онъ называетъ себя главою церкви. Неудивительно поэтому, что Константинъ, какъ и вообще его единомышленники—гуситы въ разныхъ мѣстахъ своихъ полемическихъ трактатовъ, называетъ папу „волкомъ“, „разбойникомъ“, уподобляетъ его „Иудѣ Искаріотскому“ и т. д. Однимъ словомъ: противорѣчіе между идеаломъ папы—какъ преемника апостола Петра и печальною дѣйствительностью папскихъ злоупотребленій приводило гуситовъ, въ частности и Константина, къ теоретическому отрицанію истинности ученія римской церкви. Но, однако, это отрицаніе въ данномъ случаѣ не выразилось въ формѣ рѣшительнаго протестантства, а добровольно провѣрялось церковнымъ преданіемъ, которое можно было найти только въ церкви съ истиннымъ іерархическимъ преемствомъ отъ апостоловъ, куда и обратились теперь Константинъ и его единомышленники, „сжитаемые вождѣніемъ истинной матери“—церкви. Стремясь сохранить связь съ апостольскимъ преданіемъ вселенской церкви и проникнутые желаніемъ находиться въ общеніи съ нею не только для собственнаго нравственнаго преусульбія, но и для реформы римской церкви, Константинъ и его единомышленники обратились теперь къ константинопольской церкви за разъясненіемъ преданія вселенской церкви и вообще для переговоровъ о церковномъ единеніи. Поэтому, предлагая свое исповѣданіе вѣры, Константинъ называетъ константинопольскій патриаршій престолъ главою святой православной и католической церкви; возставая противъ злоупотребленій папы и въ частности называя его „волкомъ“, онъ говорить, что, утвердившись въ догмѣ матери (церкви), онъ, при помощи благодати Христовой, попытается вы-

свободить изъ его челюстей овецъ Христовыхъ и т. д. Такимъ образомъ Константинъ, отъ лица своихъ единомышленниковъ, обращаясь къ православной константинопольской церкви, называетъ ее главою святой православной католической церкви, матерію, а катодраальный городъ вселенскаго патріарха царствующимъ градомъ истиннаго священства и святой избранной вѣры православной. По прибытіи въ этотъ царствующій градъ, Константинъ былъ отданъ для испытанія и наставленія въ вѣрѣ дидаскалу Геннадію Схоларію, котораго онъ называетъ украшеніемъ православной христіанской церкви; послѣ чего еще лучше уразумѣлъ ученіе этой церкви и публично предъ ея соборомъ исповѣдалъ свою вѣру, которую константинопольская церковь въ своемъ посланіи къ чехамъ назвала здоровою и удобопріемлемою.

Отвергнувъ въ своемъ исповѣданіи авторитетъ папы, какъ недостойнаго преемника апостола Петра, нарушителя евангельскаго закона, и признавъ восточную церковь матерію, Константинъ исповѣдалъ предъ нею свою вѣру согласно съ тѣмъ, какъ она изложена въ символѣ и разъяснена на вселенскихъ соборахъ. Исповѣдуя предъ соборомъ константинопольской церкви символъ вселенской вѣры, онъ дѣлалъ при этомъ нѣкоторыя замѣчанія, направленные противъ особенностей ученія и практики римской церкви. *Прочитавъ*, наприм., члены символа (*втройстно*, никео-цареградскаго) вѣры до четвертаго включительно, Константинъ по поводу выраженія „погребенъ“ (*ἐτάφη*) отвергаетъ римскую практику крещенія чрезъ обливаніе, притою теплою и благовонною водою, и такимъ образомъ признаетъ болѣе правильною практику восточной церкви, уподобляя крещеніе чрезъ погруженіе для возрожденія въ новую духовную жизнь погребенію, за которымъ должно послѣдовать воскресеніе мертвыхъ для новой будущей и вѣчной жизни. При изложеніи дальнѣйшихъ членовъ символа вѣры, Константинъ отвергъ ученіе римской церкви объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, исповѣдавъ свою вѣру въ этомъ отношеніи такъ, какъ она изложена „въ божественномъ символѣ“. Замѣчательно, что Константинъ, отвергая римское ученіе о „Філіюке“, получилъ подробныя наставленія по поводу этой прибавки отъ „величайшаго дидаскала Схоларія“ и,

изумляясь „дерзости“ папскаго заблужденія, находятъ причину и этого заблужденія въ нравственной также испорченности папы, вслѣдствіе которой онъ— „если бы ему удалось—назвалъ бы себя и богомъ“. Отсюда между прочимъ видно, что Константинъ и его единомышленники, преслѣдуя главнымъ образомъ нравственно-практическую цѣль церковной реформы, пытались объяснить и догматическія „заблужденія“ римской церкви нравственною несостоятельностью главы ея іерархіи и членовъ; пользовались однако для этой цѣли и теоретическими основаніями (изъ свящ. Писанія, твореній св. отцевъ и пр.), хотя полное опроверженіе римскихъ заблужденій они могли сдѣлать только при знакомствѣ съ греческою церковною письменностью. Такъ въ частности и по вопросу о „Filioque“ они познали заблужденіе Рима только подъ вліяніемъ наставленія со стороны греческой церкви, хотя—нужно замѣтить—ни Гусь, ни его непосредственные преемники и послѣдователи (чашники), обличая разныя злоупотребленія Рима, не поднимали этого вопроса и повидимому а silentio признавали правильность ученія римской церкви объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, по крайней мѣрѣ специально неопровергали его¹⁾. Но какъ только Константинъ получилъ отъ Схоларія подробныя наставленія по этому вопросу, то съ какимъ негодованіемъ онъ обличалъ сдѣланную Римомъ прибавку къ символу вѣры! Отвергнувъ „Filioque“ какъ „заблужденіе“, онъ поставилъ его на ряду съ другими нравственно-практическими злоупотребленіями папства (гордостью, симоніей и пр.), какъ знаменіе отступленія его отъ Христа, нарушенія имъ церковнаго единства во взаимной любви вѣрующихъ и союзѣ ихъ со Христомъ. Такимъ образомъ Константинъ, подобно многимъ своимъ единомышленникамъ-гуситамъ, изобличая нравственно-практическія злоупотребленія въ римской церкви, доказываетъ и догматическія ея заблужденія нравственною несостоятельностью папства, вслѣдствіе которой не возмозности теоретически обосновать свои возраженія противъ римскихъ заблужденій; но, получивъ надлежащія разъясненія со стороны восточной церкви и принявъ ея символическое ученіе, онъ сознается однако при этомъ въ трудности

¹⁾ Ср. у Гильфердинга въ цит. соч., стр. 14.

полнаго изслѣдованія православной истины и можетъ быть вслѣдствіе невозможности теоретическаго обоснованія представленнаго имъ исповѣданія православной вѣры въ заключеніи замѣчаетъ, что онъ вѣрить во все (доселѣ изложенное), что опредѣлено на вселенскихъ соборахъ и вопреки заблужденіямъ разныхъ еретиковъ.

Изложивъ предъ соборомъ константинопольской церкви свое исповѣданіе вѣры согласно съ опредѣленіями вселенскихъ соборовъ и отвергнувъ при этомъ нововведенія римской церкви, Константинъ въ частности по вопросу о семи таинствахъ церкви представилъ также нѣсколько разъясненій, направленныхъ противъ нѣкоторыхъ особенностей ученія и практики римской церкви, согласно съ вѣрою и практикою церкви восточной. Такъ, по его мнѣнію, римская церковь напрасно смѣшиваетъ внутренній смыслъ и характеръ установленія того или другого таинства съ внѣшними его сторонами — установленіями человѣческими и позднѣйшими, и нарушеніе послѣднихъ считаетъ важнѣе нарушенія даже заповѣдей Христовыхъ. Поэтому, согласно съ истиннымъ пониманіемъ заповѣдей Христовыхъ (разумѣя ихъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ разумѣлъ ихъ самъ Христосъ), онъ осуждаетъ напр. относительно крещенія и причащенія практику римской церкви и принимаетъ вѣру и обрядъ церкви греческой. Относительно крещенія онъ принимаетъ не только образъ крещенія чрезъ погруженіе, но и форму крещальныхъ словъ „крещаетя“ въ третьемъ лицѣ, а не „крещая“ — какъ у латинянъ; относительно же причащенія онъ осуждаетъ практику римской церкви причащенія мирянъ подъ однимъ видомъ опрѣснока (тоѵ ἁζύμου), на томъ основаніи, что какъ тѣло Христово не вкушается подъ видомъ вина, такъ равно и кровь Завѣта, предназначенная для всѣхъ, не пьется подъ видомъ хлѣба (тоѵ ἄρτου), согласно съ прямымъ смысломъ заповѣди Христовой, которую нарушаетъ папа по собственному произволу и въ собственное осужденіе. Да и вообще, по словамъ Константина, относительно таинствъ римская церковь допустила такъ много ограниченій для своихъ вѣрныхъ, что, сравнительно съ положеніемъ этихъ послѣднихъ, представляется гораздо сноснѣе положеніе самихъ даже іудеевъ. — Такимъ образомъ Константинъ, отвергнувъ ученіе и нѣкоторые обряды римской церкви, исповѣдалъ вѣру цер-

кви вселенской и призналъ болѣе правильной богослужебную практику греческой церкви, какъ согласную съ истиннымъ смысломъ евангельскаго закона. Впрочемъ, ссылаясь на Августина, онъ говоритъ и о свободѣ вѣшняго богопочитанія, которую подобно иудеямъ ограничиваетъ церковь римская и относительно которой константинопольская церковь въ своемъ посланіи къ чехамъ выразилась такъ, что она, по апостолу, хочетъ „благомысленно сдѣлать имъ спусхожденіе въ тѣхъ предметахъ, которые исходятъ изъ благаго основанія и самаго чистаго намѣренія и одобреніе коихъ послужить“ къ ихъ „назиданію и не будетъ противно чести святой матери (церкви православной)... Ибо, что касается таковыхъ различій въ обычаяхъ, прибавляли составители посланія отъ имени константинопольской церкви, то мы не затрудняемся благонамѣренно и разсудительно сдѣлать безвредныя уступки“.

Что касается второй части переиздаваемого вами памятника, то она, какъ замѣчено было выше, содержитъ въ себѣ главнымъ образомъ изложеніе православной вѣры, которое преподано Константину соборомъ константинопольской церкви и которое онъ долженъ былъ сообщить своимъ единомышленникамъ — чехамъ, и др. Свое краткое и вмѣстѣ съ тѣмъ точное изложеніе православнаго ученія о Св. Троицѣ съ указаніемъ разности и неправильности ученія римской церкви о Св. Духѣ, указаніе въ отдѣльности сущности догматическихъ вѣроопредѣленій семи вселенскихъ соборовъ, на которыхъ утверждался и авторитетъ помѣстныхъ соборовъ, свое—наконецъ—разъясненіе существа и значенія семи церковныхъ таинствъ съ обозначеніемъ также несправедливыхъ отступленій въ ученіи и практикѣ римской церкви соборъ константинопольской церкви заключаетъ приглашеніемъ всѣхъ ищущихъ истинной Христовой вѣры въ лоно св. матери церкви восточной, „которая одна только есть каѳолическая и апостольская“, причежъ надѣется на полное соглашеніе ихъ съ нею въ истинныхъ вѣры, въ которыхъ они тверже будутъ поставлены, при полномъ единеніи съ матерію-церковію, нарочито поставленными для ихъ духовнаго преуспѣянія духовными пастырями.

Кромѣ того, въ предисловіи, такъ сказать, ко второй разсматриваемой части памятника сообщается нѣсколько весьма любопытныхъ

данныхъ объ отношеніяхъ Константина и его единомышленниковъ къ греческой церкви. Изъ этого предисловія мы узнаемъ, между прочимъ, что Константинъ, когда прибылъ въ Константинополь, частью уже правильно рассуждалъ по вопросамъ вѣры (хотя по невѣдѣнію обычаевъ и чиновъ константинопольской церкви иначе, чѣмъ послѣ наставленія въ православной вѣрѣ, относился къ нимъ). получилъ предварительно, по порученію собора константинопольской церкви, полное наставленіе въ православной вѣрѣ отъ монаха Геннадія (Схоларія), который какъ самъ лично убѣдился въ здравомъ его исповѣданіи и искренности въ вѣрѣ, такъ равно и сообщилъ объ этомъ вышеназванному собору константинопольской церкви. Созванный по приказанію императора Константина Палеолога въ храмъ (вѣроятно св. Апостоловъ) возлѣ св. Софійи соборъ ¹⁾, въ присутствіи самого Геннадія Схоларія, торжественно испытывалъ Константина въ вѣрѣ и нашелъ его здраворассуждающимъ относительно св. таинствъ церковныхъ и опредѣленій семи вселенскихъ соборовъ, братски обнималъ его, преподалъ ему отъ себя изложеніе православной вѣры, вручивъ затѣмъ извѣстное посланіе къ чехамъ, для сообщенія всего этого ищущимъ правой Христовой вѣры его единомышленникамъ. Весьма любопытны и замѣчательны также свѣдѣнія въ предисловіи, которыя сообщилъ Константинъ въ Константинополь и которыя особенно обрадовали соборъ константинопольской церкви, свѣдѣнія о томъ, что единомышленниковъ у Константина, къ которымъ адресовано было извѣстное посланіе константинопольской церкви (судя по надписанію его), было не мало. Общее указаніе на это мы находимъ, правда, въ извѣстныхъ доселѣ памятникахъ сношеній гуситовъ съ Константинополемъ и въ частности въ только что указанномъ посланіи константинопольской церкви къ чехамъ ²⁾. Но въ переиздаваемомъ нами памятникѣ сообщаются бо-

¹⁾ Это было еще до объявленія флорентійской уніи, которое послѣдовало 12 декабря 1452 г., но—послѣ бѣгства въ Римъ патр. Григорія III Маммы, сторонника уніи.

²⁾ Именно въ началѣ посланія, гдѣ посылаемое привѣтствіе адресовано: «высокой общинѣ города Праги (τῆ ὑψηλοτάτῃ κοινότητι τῆς πόλεως Πράγας) и благороднымъ мужамъ и храбрымъ начальникамъ, восводамъ, князьямъ и баронамъ; и духовнымъ мужамъ, учителямъ (т. е. докторамъ—διδασκάλους—въ лат.

дѣе опредѣленные свѣдѣнія о томъ, что единомышленниковъ у Константина было много не только въ Чехіи, но въ Молдовлахіи изъ тамошнихъ пришельцевъ, весьма много въ предѣлахъ „тѣтонскихъ“, „венгерскихъ“, очень много даже въ Англій, причемъ говорится, что къ истинному вѣроученію и богопочитанію привелъ ихъ Константинъ. Можно думать, что эти единомышленники, по крайней мѣрѣ, большая ихъ часть принадлежала къ чехамъ, къ которымъ адресовано было посланіе константинопольской церкви и которые во время гуситскихъ войнъ оставались не только въ Чехіи, но по разнымъ обстоятельствамъ (военнаго времени, гоненій со стороны католиковъ и пр.) переходили въ разныя страны Европы и въ частности въ тѣ мѣста, въ которыхъ заставалъ ихъ Константинъ, какъ напр.: въ предѣлы Молдовлахіи, въ земли нѣмецкія, венгерскія и даже въ Англію¹⁾). Можетъ быть, выходцы-чехи въ вѣкоторыхъ изъ этихъ земель успѣли привлечь къ себѣ и мѣстныхъ туземцевъ, а можетъ быть и сами, напр. въ Молдовлахіи, подчинились влиянію православныхъ молдаванъ и валаховъ, съ которыми они оказались единомышленными вѣроятно во многомъ²⁾), въ частности и по вопросу о единеніи съ восточною церковію—какъ центромъ апостольскаго іерархическаго преемства. Замѣчательно, что всѣ эти единомышленники Константина, разсыянные въ разныхъ странахъ Европы, одинаково съ нимъ разсуждали по вопросамъ вѣры, отступали „отъ лжи и незаконныхъ новшествъ“ и оказывались согласными съ „догматами истины“, какіе онъ самъ исповѣдалъ устно и письменно предъ соборомъ константинопольской церкви.

Такимъ образомъ и вторая часть переиздаваемого нами памятника (per. doctoribus) и всѣмъ церковнымъ предстоятелямъ, а также гражданамъ и должностнымъ лицамъ, равно всѣмъ и каждому гдѣ бы то нибыло находящимся въ загорныхъ краяхъ, православнымъ, какъ мы слышимъ, и истинной вѣры Іисуса Христа исповѣдникамъ, которые увидятъ это писаніе материнской заботливости (...ὀρθόδοξοις, ὡς ἀκόροτοι, καὶ τῆς ἀληθείας Ἰησοῦ Χριστοῦ πίστῳς ὁμολογηταῖς, τοῖς τὴν γράφην ταύτην τῆς μητρικῆς πρόνοιᾳ θεωρήσομεν...)). Ср. также въ предислов. и 2-й ч. переиздаваемого нами памятника.

¹⁾ Доказательствъ подобнаго рода переселеній чеховъ исторія гуситской эпохи представляетъ слишкомъ много, чтобы указывать на нихъ въ частности.

²⁾ Какъ объ этомъ можно заключить на основаніи отношенія гуситскаго вѣроисповѣданія къ принципамъ православной церкви.

ника, подобно первой, представляет также некоторыя новыя, по крайней мѣрѣ, ранѣе не отмѣченныя учеными изслѣдователями гуситскаго движенія болѣе опредѣленныя данныя, на которыя сдѣланы отчасти общія указанія въ известномъ посланіи константинопольской церкви къ чехамъ. Какъ въ первой части теперь открывается неизвѣстное доселѣ содержаніе исповѣданія вѣры, которое представилъ Константинъ собору константинопольской церкви и которое константинопольская церковь нашла „здравымъ и удобопріемлемымъ“; такъ равно и во второй части, кромѣ того наставленія, которое принялъ Константинъ отъ константинопольской церкви и которое долженъ былъ сообщить чехамъ вмѣстѣ съ посланіемъ, содержатся также доселѣ неизвѣстныя свѣдѣнія объ оглашеніи въ истинахъ православной вѣры, еще не вполне ознакомленнаго съ ними до прибытія въ Константинополь, Константина монахомъ Геннадіемъ Схоларіемъ, объ исповѣданіи вѣры Константиномъ предъ соборомъ константинопольской церкви и наконецъ—драгоцѣнное извѣстіе о многочисленныхъ единомышленникахъ Константина, которые находились кромѣ Чехіи и въ другихъ названныхъ выше земляхъ Европы и которые, подобно Константину, томились, „сжигаемые возжелѣніемъ истинной матери“—церкви.

Къ сожалѣнію, переиздаваемый нами памятникъ не представляетъ рѣшительныхъ данныхъ для болѣе точнаго опредѣленія еще не выясненной личности Константина Ангелика или Англика, хотя даетъ некоторыя указанія для провѣрки и отчасти поправки существующихъ въ литературѣ сбивчивыхъ представленій относительно этой личности. Палацкій думалъ, что Константинъ Ангеликъ родомъ грекъ и отнюдь не чехъ. Другой новѣйшій и современный историкъ чешскій, Тошекъ, также называетъ Константина „греческимъ посредникомъ“ (jednateľ ěeský) въ переговорахъ между чехами и константинопольскою церковію, причемъ—неизвѣстно на какомъ основаніи—утверждаетъ, что этотъ посолъ греческій былъ посланъ въ Чехію еще въ 1451 году для ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ у чашниковъ и неизвѣстно съ какими результатами возвратился опять въ Константинополь. Вѣроятно, всѣ эти сужденія, по крайней мѣрѣ предположеніе о греческомъ происхожде-

ни Константина и о его роли въ качествѣ спеціальнаго и перваго, по мнѣнію Томка, начальника переговоровъ константинопольской церкви съ чехами основаны на греческомъ наименованіи Константина Амеликомъ ¹⁾. Можетъ быть при послѣдшности сужденій Палацкаго и Томка имѣло значеніе и то обстоятельство, что константинопольская церковь въ известномъ своемъ посланіи къ чехамъ называетъ Константина своимъ „сыномъ“ (по вѣрѣ), даже (въ лат. пер.) „братомъ“, хотя въ оригинальномъ греческомъ текстѣ онъ называется ихъ (т. е. чеховъ) „братомъ“, вѣроятно по происхожденію. Въ другомъ мѣстѣ своего посланія константинопольская церковь говоритъ о Константинѣ, что онъ представилъ ей „свое собственное исповѣданіе вѣры, признанное святой матерію здравымъ и удобопріемлемымъ, а съ своей стороны принялъ данное ему отъ нея наставленіе въ истинной вѣрѣ...“ Очевидно, что если бы онъ былъ грекъ и посолъ константинопольской церкви, онъ не имѣлъ бы нужды представлять ей собственнаго исповѣданія вѣры и равнымъ образомъ принимать отъ нея наставленія въ истинной вѣрѣ, которая во всякомъ случаѣ были известна ему какъ „честнѣйшему“ и „благочестивому іерею“. Кроме того, въ известномъ отвѣтномъ посланіи администраторовъ пражской гуситской (утраквистской) консисторіи Константинъ называется возлюбленнымъ во Христѣ Іисусѣ вѣрнымъ ихъ другомъ, помощникомъ и легатомъ ²⁾, хотя ниже, говоря о его намѣреніи снова идти въ Константинополь съ ихъ порученіями, замѣчаютъ, что онъ „sua sponte (или—какъ въ другой копіи—sua voluntate) nos convenerat“, т. е. съ известнымъ, кажется, общительнымъ посланіемъ константинопольской церкви чехамъ. Но это замѣчаніе „sua sponte (или—sua voluntate) nos convenerat“, смыслъ котораго разъяснится отчасти ниже, не говоритъ во всякомъ случаѣ въ пользу вышеука-

¹⁾ Палацкій (IV, 1, 262) и Томка (I. c. VI, 223) употребляютъ названіе «Konstantin Angelik» отъ греч. слова «Ἀγγελικός», которое значитъ: «принадлежащій, свойственный вѣстникамъ», каковыѣ являютъ легко могъ быть присвоенъ Константину, какъ известнаго рода вѣстнику, посреднику въ сношеніяхъ константинопольской церкви съ чехами.

²⁾ Ср. выше 2-е прим. 87 стр.

занныхъ сужденій Палацкаго и Томка о греческомъ происхожденіи Константина Ангелика. Наоборотъ, сужденія эти ослабляются указаніями даже тѣхъ намятниковъ, которые были извѣстны Палацкому и Томку.

Между тѣмъ нѣмецкій ученый Гёфлеръ ¹⁾ думаетъ отождествить Константина Ангелика (называя его Англикомъ, но не Ангеликомъ) съ англичаниномъ Петромъ Пайномъ (Payne) ²⁾, который, будучи горячимъ защитникомъ идей Виклефа, прибылъ вмѣстѣ съ другими своими учениками изъ Англіи въ Чехію, гдѣ уже въ 1417 г. вступаетъ въ общество пражскихъ магистровъ, затѣмъ входитъ въ общеніе съ „сиротами“ (крайнею партіею гуситовъ), а послѣ ихъ ослабленія—съ таборитами, хотя вслѣдствіе крайностей принятаго имъ Виклефова ученія о пресущественіи и др. предметахъ вѣры не могъ быть въ полномъ общеніи даже съ этими крайними гуситскими партіями, которыя—по словамъ Палацкаго—„всѣ болѣе или менѣе отступали отъ ученія Виклефова“ ³⁾. Такимъ образомъ отождествляемый съ Петромъ Пайномъ Константинъ Англикъ оказался бы виклефистомъ, а между тѣмъ самъ же проф. Гёфлеръ справедливо поставляетъ Константина въ связь съ дѣятелями пражской утравкистской консисторіи, члены которой, какъ напр. умѣренный чашникъ, администраторъ консисторіи (7 ноябр. 1439—20 дек. 1448), маг. Янъ Прибрамъ и др. дѣйствовали однако противъ виклефистовъ и писали полемическія сочиненія въ частности противъ Петра Пайна ⁴⁾. Очевидно, въ сужденіи проф. Гёфлера что-то неладно, какъ и вообще во всемъ его разсужденіи по

¹⁾ Geschichtschreiber, III, S. 175: «Constantinus, nicht Angelicus, sondern Anglicus, der Engländer..., welcher vielleicht mit dembekannten Peter Payne identisch ist, übernahm es, letztere von dem Stande der Dinge in Böhmen zu unterrichten und dass man daselbst die Neuerungen nicht achte, mit welchem Namen das Schreiben (т. е. конст. церкви) regelmässig die Lehren der katholischen Kirche bezeichnete».

²⁾ Мы употребляемъ это имя, замѣствуя его изъ чешскаго правописанія и произношенія, а не англійскаго (съ котораго вѣрнѣе было бы его произносить «Панъ»).

³⁾ Dějiny nář česk. IV, 1, стр. 397.

⁴⁾ Ср. стр. 385, прим.

вопросу о сношеніяхъ гуситовъ съ Константинополемъ, которыя онъ представляетъ дѣломъ случайнымъ, какъ коварный протестъ противъ Рима ¹⁾, а первоначальное обращеніе ихъ къ константинопольской церкви, въ лицѣ предполагаемаго Петра Пайна, Константина Англика—дѣломъ его личной инициативы ²⁾.

Переиздаваемый нами памятникъ, хотя и не представляетъ—какъ замѣтили мы выше—рѣшительныхъ данныхъ для опредѣленія личности Константина. тѣмъ не менѣе даетъ нѣсколько указаній (кромя вышеприведенныхъ) для выясненія тѣхъ недоразумѣній, которыя вызваны изслѣдованіями съ одной стороны Палацкаго и Томка, а съ другой—Гёфлера. Въ нашемъ памятникѣ говорится напр. (въ написаніи), что исповѣданіе вѣры представилъ константинопольской церкви прибывшій въ Константинополь въ 1452 году „Константинъ іерей изъ Англіи и чехъ“ (ὁ Κωνσταντῖνος ἱερεὺς ἀπὸ Ἀγγλίας καὶ πλοῦρων); говорится также, что до своего прибытія въ Константинополь и оглашенія въ истинахъ вѣры Геннадіемъ Схоларіемъ онъ былъ иначе расположенъ къ восточной церкви вслѣдствіе невѣдѣнія обычаевъ и обрядовъ св. константинопольской церкви, общихъ и католической апостольской церкви. Отсюда такъ же, какъ и изъ посланія конст. церкви къ чехамъ, видно между прочимъ, что Константинъ Ангеликъ или Англикъ, вопреки Палацкожу и Томку, былъ не грекъ, а чехъ изъ Англіи, прибывшій въ Константинополь, будучи еще незнакомъ съ ученіемъ, обычаями и обрядами восточной церкви, каковыми не могъ оказаться (какъ замѣчали мы выше) природный православный грекъ, притомъ же іерей. Вопреки же Гёфлеру, на основаніи нашего памятника можно сказать, что несправедливо отождествляемый съ Петромъ Пайномъ Константинъ Англикъ былъ родомъ не англичанинъ, а чехъ изъ Англіи, вѣроятно одинъ изъ тѣхъ чеховъ-гу-

¹⁾ Обсуждая неудачный исходъ переговоровъ чеховъ съ константинопольскою церковью, Гёфлеръ пишетъ между прочимъ: «Da in Constantinopel selbst der Sturz (?) des Patriarchen Gennadios erfolgt, den erst (?) Mohammed in seinem Interesse erhob, konnte die Sache keinen Fortgang haben und es blieb nur der böse Wille als die einzige Thatsache zurück». Geschichtschreiber, III, S. 176—7. ²⁾ Ibid. S. 175, sp. 176—7.

ситовъ, которые, будучи недовольны Римомъ и смутно можетъ быть представляя идеалъ самостоятельной народно-церковной жизни во временахъ кирилло-меѳодіевскихъ или во всякомъ случаѣ желая найти апостольское іерархическое преемство для своей реформированной церкви, путешествовали съ цѣлю исканія истинной вѣры въ разныя страны. Такъ между прочимъ извѣстно, что, можетъ быть съ этою отчасти цѣлю, Іеронимъ Пражскій предпринималъ нѣсколько путешествій по разнымъ странамъ Европы: былъ въ Литвѣ и на Руси, гдѣ временно перешелъ „въ русскую скизму“, путешествовалъ въ Англію, откуда принесъ въ Чехію сочиненія Виклефа, слушалъ лекціи въ университетахъ—парижскомъ, гейдельбергскомъ, и пр. Извѣстно также, что и послѣдующіе гуситы не разъ посылали посольства въ разныя страны для исканія истинной на землѣ церкви Христовой, съ которой они могли бы вступить въ іерархическую связь и отъ которой хотѣли получить истинное священство апостольскаго преемства. Такъ напр., еще до 1467 г., т. е. до времени отдѣленія „чешскихъ братьевъ“ отъ умѣренныхъ чашниковъ, гуситы посылали членовъ своей общины въ разныя страны для отысканія „источниковъ первоначальной церкви“, для ознакомленія съ тѣмъ, „не осталось-ли еще въ нѣкоторыхъ земляхъ людей, которые бы соблюдали истинную вѣру Христову, творили дѣла христіанскія и имѣли священниковъ, занимающихъ свою должность законно, какъ подобаетъ служителямъ святой церкви“. А въ 1491 г. уже отдѣлившіеся отъ чашниковъ „братья“ рѣшили послать своихъ людей въ разныя страны для того, чтобы поискать: „нѣтъ ли гдѣ на свѣтѣ людей, которые, исповѣдуя Христа, не повинуются папѣ, и узнать нравы и религіи разныхъ народовъ“. И тогда же отправлены были: Лука бакалавръ пражскій, Марешъ Роковець, Мартинъ Кабатникъ и Каспаръ изъ Моравіи. Прибывъ все вмѣстѣ въ Константинополь, трое изъ нихъ, первые, разъѣхались отсюда въ разныя страны, а четвертый (Каспаръ) въ ожиданіи ихъ остался въ Константинополѣ: Лука направился въ земли греческія, Марешъ въ „московитскія“ и другія сосѣднія, а Мартинъ въ Іерусалимъ и Египеть. Были и другіе случаи путешествій гуситовъ въ разныя страны для отыска-

нія на землѣ истинной Христовой церкви¹⁾. Изъ числа такихъ путешественниковъ-гуситовъ былъ вѣроятно и Константинъ, который самъ о себѣ заявляетъ, что онъ, до прибытія въ Константинополь, переходилъ изъ одного города въ другой, былъ въ предѣлахъ Молдовлахіи, въ предѣлахъ „тевтонскихъ“, венгерскихъ и въ Англіи, гдѣ оставался можетъ быть дольше, чѣмъ въ другихъ странахъ, и откуда предпринялъ свое путешествіе въ Константинополь. Можетъ быть отъ болѣе продолжительнаго пребыванія въ Англіи, или вѣроятно отъ того, что онъ прибылъ въ Константинополь прямо изъ Англіи, объ немъ и говорится въ надписаніи нашего памятника: „Ὁ Κωνσταντῖνος ἱερεὺς ἀπὸ Ἀγγλίας καὶ πλοῦσιμον ἐλθὼν εἰς Κωνσταντινούπολιν“... Неудивительно поэтому, что онъ называется напр. въ посланіи константинопольской церкви къ чехамъ „Ἀγγλικός“, хотя въ латинскомъ переводѣ посланія употреблено наименованіе „Angelicus“, которое соответствуетъ греческому „Ἀγγελικός“, вѣроятно для обозначенія специальной миссіи Константина—какъ посредника въ переговорахъ между чехами и константинопольскою церковію. Нельзя-ли и латинскій переводъ греческаго наименованія „Ἀγγλικός“ чрезъ „Angelicus“, неизвѣстно когда сдѣланный и можетъ быть современный переговорамъ чеховъ съ Константинополемъ, считать нѣкоторымъ указаніемъ на не-англійское происхожденіе Константина, противъ котораго рѣшительнѣе все-таки говорить переиздаваемый нами памятникъ?

Такимъ образомъ, какъ вопреки Палацкому и Томку, такъ

¹⁾ Ср. печатныя объ этомъ свидѣнія, на которыя сдѣланы указанія въ цит. нашемъ соч., на стр. 153 въ прим. Подробно эти свидѣнія изложены Ю. Анненовымъ въ ст. „Гуситы въ Россіи въ XV и XVI столѣтіяхъ“, напечат. въ журн. «Странникъ» за 1878 г., также отдѣльной брошюрой. У Анненова показаны и тѣ рукописи пражскихъ библиотекъ и Гернгутскаго архива, изъ которыхъ онъ заимствовалъ свои свидѣнія. Эти свидѣнія въ точныхъ копіяхъ съ рукописныхъ оригиналовъ намъ удалось собрать для себя въ бытность въ Прагѣ и Гернгутѣ. Ср. выше цит. мой отчетъ о научныхъ занятіяхъ за границей «въ Журналахъ засѣд. совѣта спб. дух. Академіи» за 1883—4 уч. г. Нѣкоторыя изъ этихъ рукописныхъ свидѣній напечатаны въ отрывкахъ напр. у Палацкаго (Dějiny nář. česk. IV, 1, 431—433), Голая (Quellen und Untersuchungen zur Gesch. d. böhm. Brüder. I, въ прилож.) и у др.

съ другой стороны—и Гёфлеру, Константинъ Ангеликъ или Англикъ былъ родомъ чехъ, посланецъ или можетъ быть первоначально только единомышленникъ пражской гуситской консисторіи, администраторы которой—какъ мы несомнѣнно знаемъ—повѣряли ему потому свои мысли для сообщенія константинопольской церкви послѣ полученія ими извѣстнаго ея посланія и свѣдѣній относительно перваго его пребыванія и переговоровъ въ Константинополѣ. Для болѣе частнаго опредѣленія личности Константина, его отношенія къ современнымъ ему гуситскимъ партіямъ, мы, правда, не имѣемъ какихъ-либо рѣшительныхъ данныхъ въ извѣстныхъ существующихъ памятникахъ и даже въ переиздаваемыхъ нами памятникъ; тѣмъ не менѣе весьма вѣроятное предположеніе о связи миссіи Константина съ мыслями и направленіемъ пражской гуситской консисторіи мы основываемъ на свидѣтельствѣ администраторовъ этой консисторіи (въ отвѣтъ на посланіе константинопольской церкви) о роли Константина въ качествѣ посредника между ними и греческою церковію, отчасти также на исповѣданіи Константина, съ которыми такъ легко могли согласиться члены названной консисторіи и вообще чашники, признававшіе знаменитые 4 пражскихъ члена, которые легли въ основаніе такъ называемыхъ базельскихъ „compactатовъ“, именно: о преподаваніи евхаристіи и мірянамъ подѣ обоими видами, объ искорененіи и исправленіи смертныхъ и публичныхъ грѣховъ, о свободѣ проповѣди священниками (какъ въ одной изъ формулъ членовъ прибавляется: *etiam in casu absque speciali licentia sui praelati*) и наконецъ объ ограниченіи мірской власти клира надъ временными богатствами съ удержаніемъ (какъ говорится въ другой формулѣ) необходимаго при отреченіи отъ излишества (*ut...clerus... habeat necessarium, superfluitate resecata*¹⁾).

¹⁾ Ср. въ нашемъ пят. выше соч., стр. 394—395, 444 и 448. Вотъ напр. одна изъ формулъ членовъ, которая представляла была чехами-гуситами базельскому собору 11 авг. 1433 г. и около которой по преимуществу вращались все повдѣйніе переговоры гуситовъ съ католиками: I. *Communio divinissima eucharistiae utilis et salubris sub specie utraque, panis scilicet et vini, omnibus Christi fidelibus in regno Bohemiae et marchionatu Moraviae ac locis eis in hac parte adhaerentibus constitutis, per sacerdotes sine impedimento et tibi ministretur. II. Omnia peccata mortalia, et praesertim publica, per eos,*

Къ этому прибавимъ здѣсь еще и то существующее въ литературѣ предположеніе, основанія котораго были высказаны Палацкимъ въ его „Исторіи чешскаго народа“¹⁾, но которыя однако почему-то игнорируютъ современные чешскіе историки. Предположеніе это, приводимое и *разъясняемое* Гильфердингомъ²⁾, сводится къ тому, что мысль о сближеніи чеховъ съ греческою церковію, для исполненія которой былъ избранъ и посланъ Константинъ, исходила изъ пражской гуситской консисторіи, находившейся въ славянскомъ эммаусскомъ монастырѣ, который болѣе чѣмъ за сто лѣтъ основанъ былъ Карломъ IV въ новомъ городѣ пражскомъ первоначально для пришлыхъ (изъ Славоніи) послѣдователей „славянскаго“ богослуженія³⁾ и который между прочимъ не потерялъ никакого вреда во время гуситскихъ бурь. Въ этомъ монастырѣ, по словамъ Палацкаго, хранились многочисленныя остатки и воспоминанія восточнаго обряда, здѣсь господствовавшего; въ немъ хранилось между прочимъ извѣстное теперь подъ именемъ „Реймскаго“ евангеліе, писанное, какъ увѣряли, рукою св. Прокопія и украшенное золотомъ, драгоценными камнями и мощами святыхъ, откуда оно послано было, какъ дорогой подарокъ, греческому императору въ Константинополь. Перешедши отсюда, впоследствии, во Францію подъ именемъ „*texte du sacre*“, оно причислялось тамъ къ драгоценнѣйшимъ регаліямъ французской короны. По словамъ Палацкаго, которыя приводитъ въ русскомъ переводѣ и Гильфердингъ, послыка этого евангелія, также какъ и посланіе (константинопольской церкви чехамъ), доказываютъ, что изъ славянскаго монастыря въ Прагѣ, а не отъ Рокицаны вышла, если не первая мысль о соединеніи гуситовъ-

quorum interest, rationabiliter et secundum legem Dei cohibeantur, corripiantur et eliminantur. III. Verbum Dei a sacerdotibus domini et levitis idoneis libere ac fideliter praedicetur. IV. Non licet clero tempore legis gratiae super bonis temporalibus seculariter dominari. Monum. concil. gen. saec. XV. I, p. 376 (въ нашемъ соч., стр. 441).

¹⁾ Dějiny nár. česk. (изд. 1857) IV, 1, стр. 227—229.

²⁾ Въ цит. соч. «Гусъ. Его отношеніе къ прав. церкви», стр. 43—4.

³⁾ См. буллу папы Климента VI, отъ 9 мая 1346 г., объ учрежденіи въ Чехіи одного славянскаго монастыря, — у Билъбасова въ цит. соч., I, стр. 158—159. Ср. *Pelzel*, l. c., Th. I. S. 90.

чашниковъ съ греческою церковію, то по крайней мѣрѣ главное содѣйствіе и поощреніе этому дѣлу, хотя несомнѣнно, что подь конецъ дѣло это было одобрено и Рокицаню. При этомъ Палацкій, а вмѣстѣ съ нимъ и Гильфердингъ связываютъ планъ администраторовъ гуситской (утраквистской) консисторіи и миссію Константина съ тѣмъ временемъ, когда, во 1-хъ, чешскіе послы въ Римѣ, 25 мая 1447 г., отъ имени всего королевства, заявили, что чехамъ, не удостоиваемымъ вниманія и отвергаемымъ латинскою церковію, не остается ничего другого, какъ отрекшись отъ Рима, обратиться въ другую сторону, а во 2-хъ, когда затѣмъ, 17 мая 1448 г., Петръ изъ Младеновиць сказалъ папскому легату въ Прагѣ (Карвалу), что если Римъ не утвердитъ Рокицану архіепископомъ и не признаетъ причащенія подь обоими видами, то опъ, легатъ, прежде чѣмъ успеетъ вернуться, услышитъ про чеховъ удивительныя вещи ¹⁾. Такимъ образомъ миссія Константина въ Константинополь можетъ быть поставлена въ связь съ мыслями и направленіемъ пражской гуситской консисторіи, администраторомъ которой послѣ маг. Яна Прибрама († 20 дек. 1448 г.) былъ Петръ изъ Младеновиць († 7 февр. 1451 г.), личный другъ Гуса, сопровождавшій его на константиискій соборъ и сообщившій между прочимъ свѣдѣнія о страданіяхъ и смерти своего друга. Эта мысль одобрена была и Рокицаню ²⁾, который, будучи избранъ на должность архіепископа пражскаго въ 1435 г. и совсѣмъ не получивъ въ ней утвержденія до самой своей смерти († 22 февр. 1471 г.), оставался однако, особенно въ правленіе Юрія Подѣбрада, главнымъ правителемъ дѣлъ чешской утраквистской церкви. Но какъ и почему именно миссія Константина, при сочувственнои къ ней отношеніи пражской гуситской консисторіи и вліятельныхъ ея ад-

¹⁾ См. у Палацкаго и Гильфердинга въ цит. соч.; ср. при этомъ у Палацкаго также стр. 147 и 165.

²⁾ У Коменскію (lib. cit.) есть извѣстіе, что послѣ паденія Константинополя пришли въ Прагу два изгнанника-грека, и приняты были Рокицаню дружелюбно; было съ ними нѣсколько диспутовъ о вѣрѣ и дано было имъ наконецъ позволеніе совершать мессу (лат. изд. стр. 61 и др.); ср. въ нашемъ соч. подлинныя слова лат. текста, на стр. 193—4 въ прим.; ср. чешскій текстъ изд. 1870, стр. 38.

министраторовъ, при одобреніи ея самимъ Рокицановъ, однимъ изъ главныхъ дѣятелей гуситской реформы въ смыслѣ утравизма, не привела къ желательнымъ результатамъ единенія чеховъ съ греческою церковію, — нашъ намятникъ не даетъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній. Поэтому, для объясненія даннаго вопроса придется довольствоваться тѣми предположеніями и выводами, какіе по нашему мнѣнію болѣе вѣроятны. Именно: съ одной стороны, печальное внѣшнее и внутреннее состояніе константинопольской церкви половины XV в. ¹⁾ и взятіе Константинополя турками въ 1453 г. естественно должно было повліять на ходъ и результатъ переговоровъ чеховъ съ греческою церковію, а съ другой стороны и внутреннее состояніе самой Чехіи было не таково, чтобы снова ожившее въ гуситскую эпоху стремленіе чеховъ къ идеалу апостольской и можетъ быть своей старой кирилло-меодіевской церкви, образецъ которой они искали на востокъ, легко могло привести къ окончательному сближенію съ греческою церковію, особенно въ моментъ ослабленія центровъ восточнаго православія. Политическія замѣшательства страны, внутренняя борьба партій, при неопредѣленности и неразвитости гуситскаго вѣроисповѣданія, не освящен-

¹⁾ Въ самомъ Константинополѣ происходила тогда печальная несогласія между защитниками елорентійской уніи и ея противниками. На сторонѣ первыхъ стоялъ, конечно, самъ императоръ (въ то время, т. е. съ 1448—1483 г. Константинъ Палеологъ), въкоторые вмѣстѣ сановники и др., равно также и въкоторыя вліятельныя духовныя лица, — въ числѣ ихъ былъ между прочимъ и самъ патріархъ Григорій III Мамма (съ 1445 г.), который навсегда бѣжалъ изъ Константинополя въ Римъ въ 1450 г., когда чехи можетъ быть уже рѣшились послать свое посольство въ Константинополь. А между тѣмъ, 12 декабря 1452 г., послѣ того, какъ чехи уже получили известное посланіе отъ константинопольской церкви и администраторы гуситской консистории написали ей отвѣтъ, провозглашена была въ храмѣ св. Софіи елорентійская унія, правда нѣсколько разъ прежде и теперь отвергнутая народомъ и всѣми іерархами востока, тѣмъ не менѣе поддерживаемая самимъ императоромъ въ виду отчаяннаго положенія дѣлъ имперіи. Императоръ посѣщалъ богослуженіе, которое совершалъ въ храмѣ св. Софіи кардиналъ Йендоръ (бывшій русскій митр., принявшій елор. унію); а Геннадій Схоларій жилъ въ монастырѣ Вседержителя, утверждая между прочимъ народъ въ православной вѣрѣ въ ожиданіи неизбежной гибели Константинополя, не болѣе какъ чрезъ пять мѣсяцевъ (24 мая 1453) сдѣлавшагося добычею турокъ.

наго апостольскимъ преданіемъ церкви, необыкновенныя усилія Рима склонить чеховъ при помощи ничтожныхъ уступокъ онять на свою сторону, тщетныя надежды партіи самаго даже Рокицаны устроить жизнь своей реформированной церкви независимо ни отъ какого іерархическаго центра—самостоятельно, подъ управленіемъ собственнаго архіепископа, съ предварительнаго одобренія папы для удержанія въ своей общинѣ только законнаго іерархическаго преемства,—все это конечно не могло содѣйствовать сближенію чеховъ съ востокомъ. Не забудемъ при этомъ того, что могли внушать чехамъ латиняне по поводу взятія Константинополя турками и что такъ или иначе, въ связи съ указанными причинами, могло также повліять на неудачный исходъ желательнаго сближенія чеховъ съ православнымъ востокомъ. Паденіе Константинополя въ глазахъ латинянъ было „заслуженною карою народу, который презрѣлъ Божіи велѣнія и самовольно отрѣшился отъ установленнаго божественнымъ закономъ подчиненія римскому первосвященнику, коего Богъ поставилъ пастыремъ міру и назначилъ себѣ преемникомъ на землѣ. Его-то первая презрѣла тщеславная Греція и разила своимъ приѣздомъ многія племена: и что же? Гнѣвъ Божій осудилъ эти народы на рабство. Однихъ покорилъ себѣ воинственный скиѣъ (т. е. татаринъ), другихъ турокъ, тѣхъ изнѣженный аравитянинъ и быстрый въ бѣгствѣ персъ“¹⁾. Такъ писалъ католикъ—очевидецъ пребыванія чеха-гусита въ Константинополѣ; такъ дѣйствовали вѣроятно и другіе сторонники римской церкви между прочимъ для отчужденія чеховъ отъ востока и возвращенія ихъ къ Риму.

Востокъ, такимъ образомъ, былъ заслоненъ отъ чеховъ разными преградами; поэтому мысль о церковномъ ихъ взаимообщеніи должна была оказаться въ ту эпоху, по замѣчанію Гильфердинга, практически-неисполнимою. „XV-й вѣкъ былъ временемъ крайняго затемнѣнія православнаго востока. За Дунаемъ православныя славяне и греки

¹⁾ Отзвѣвъ выше упомянутаго католика *Убертино Пускуло*, который былъ свидѣтелемъ пребыванія чеха-гусита въ Константинополѣ. См. въ переводѣ у *Гильфердинга* въ прил. къ соч. «Гусъ. Его отношеніе къ православной церкви», стр. 57.

погибали; Москва была только незначительное княжество, закрытое отъ Европы татарщиною. Литва, сильная своими православными областями, уже подчинялась, официально, католицизму. Нигдѣ православная церковь не имѣла внѣшнихъ средствъ для поддержанія связей, заводимыхъ съ нею чехами¹⁾. Вслѣдствіе недостатка подобнаго рода средствъ и настойчиваго систематическаго воздѣйствія со стороны восточной церкви чехи, естественно, не могли подобно Константину Ангелику познакомиться съ дѣйствительнымъ ея положеніемъ и вести дальнѣйшія сношенія о взаимообщеніи, послѣдствія котораго, по словамъ Палацкаго²⁾, были бы неисчислимы; а предоставленные самимъ себѣ, они скоро подпали неотразимому вліянію латинства и германизма, противъ которыхъ они упорно боролись было въ началѣ гуситской эпохи, но которые однако снова одержали теперь побѣду, довершивъ ее несчастными событіями Вѣлогорской битвы съ ея ужасными, трагическо-поучительными для чеховъ слѣдствіями.

Изъ сказаннаго о содержаніи переиздаваемого нами памятника слѣдуетъ, что нѣкоторыя его данныя, доселѣ неизвѣстныя ученымъ изслѣдователямъ гуситскаго движенія, нѣсколько восполняютъ и освѣщаютъ извѣстныя драгоцѣнныя подробности относительно факта сношеній чеховъ съ константинопольскою церковію въ половинѣ XV в., подробности, заключающіяся въ частности въ извѣстномъ посланіи константинопольской церкви къ чехамъ, въ отвѣтъ на это посланіе администраторовъ пражской гуситской консисторіи и отчасти въ другихъ историческихъ указаніяхъ. Кромѣ того, въ связи со всѣми этими указаніями и другими памятниками гуситской эпохи содержаніе нашего памятника представляетъ вообще весьма любопытный матеріалъ для характеристики извѣстнаго направленія главныхъ тогдашнихъ дѣятелей гуситской реформы. Въ немъ содержатся нѣкоторыя указанія для характеристики реформаторскаго направленія Константина и его единомышленниковъ-чашниковъ, какъ стремленія ихъ къ нравственно-практическому преобра-

¹⁾ Гиллбердингъ, Собраніе сочиненій (1858 г.); т. I, стр. 365.

²⁾ *lib. cit.*, IV, 1, стр. 227.

зованію католической церкви и исправленію ея незаконныхъ нововведеній по образцу первобытной апостольской съ желаніемъ удержать у себя іерархическое преемство, ради чѣго они и вступали между прочимъ въ сношенія съ константинопольскою церковію. На основаніи нашего памятника можно также предполагать, что единомышленники Константина, подобно ему самому, при ближайшемъ ознакомленіи съ восточною церковію, легче и тѣснѣе могли бы съ нею сблизиться, если бы она имѣла больше внѣшнихъ средствъ сильнѣе воздѣйствовать на нихъ и если бы западное латино-германское вліяніе своими разрушительными волнами не размывало еще неустановившагося зданія чешской реформы, при отсутствіи поддержки съ востока и при внутренней слабости силъ самой тогдашней Чехіи.

И. Пальмовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки